

Елена ИСАЕЛЕВА

ТалисМальчик

16+

@ЭЛИТА

Елена Исáелева

ТалисМальчик

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23143786
ISBN 978-5-9909363-1-7

Аннотация

В этой книге вы не найдете катастроф, случайных погибелей, амнезии и прочего, ведь чтобы услышать пронзительную игру чувств, вовсе не обязательно разбивать в щепки арфу человеческой души, достаточно одну струну ослабить, а другую надорвать... Алевтина, преуспевающая бизнес-леди из Москвы, запутавшись в отношениях с мужем, едет на море в город своего детства, чтобы разобраться в себе, а заодно встретиться со своей первой любовью, незадолго до этого случайно обнаруженной в социальных сетях. Виртуальный роман длился около трех месяцев и, казалось бы, эта поездка должна расставить в жизни разлучившихся десять лет назад влюблённых всё по своим местам и дать возможность реализовать неоконченный в юности роман, но на поверку провинциальный герой оказывается совсем не тем человеком, которого помнила и любила Алевтина. Возможен ли счастливый мезальянс? К чему приводит погоня за призраками неосуществленных желаний? Не мешает ли зависание в надуманном прошлом адекватному восприятию настоящего? Как выйти из острой депрессии, оказавшись без

поддержки вдали от дома? На эти и другие вопросы читатель найдет ответы, погрузившись вместе с героиней в симфонию чувств и размышлений, звучащих в романе.

Содержание

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ ПОСЛЕ	5
ДЕНЬ ПЯТЫЙ	30
ДЕНЬ ШЕСТОЙ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Елена Исáелева

ТалисМальчик

Будто книжку написала

о хворой любви.

Написала и выздоровела —

От всех хворей сразу...

Алевтина

Тем, кто гоняется за

фантомами из прошлого

Азовское море

Бердянск, 2009

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ ПОСЛЕ

Что-то шуршало около самого лица. Раз, другой, третий.

Аля открыла глаза. Ресницы по подушке.

Кого-нибудь будили собственные ресницы?

Нежное солнышко проглядывало сквозь двойную вязь – виноградную и гардинную. Усики винограда слегка покачивались и совпадали на миг с усиками гардинного узора. Алевтина улыбнулась своей фирменной улыбкой: одними глазами. Что-то произошло. Не далее как вчера или позавчера. Нечто большое и серьёзное. Она снова улыбнулась заве-

шенному винограду солнцу. Край винограда и солнца. И моря, конечно. Да, точно. И моря. Хорошо здесь.

Она знала, что недавно в её жизни случилось что-то очень плохое, но не могла вспомнить, что. Напрягла память – не получается, попыталась отыскать ассоциации, чтобы помочь сознанию – безуспешно.

Ускользание. Ласковое, спасительное ускользание. Ложь сознания самому себе. Святая ложь. Во спасение. Что-то всё-таки произошло. Но память затаила и не выдаёт. Молчит и выжидает. Таится. Наблюдает. Будто сильные стороны натуры оберегают более слабые, чтобы чего не вышло.

Нет, нужно вставать – подмигивает виноградное солнышко. Сегодня ещё уйма приятных дел. Аля это ощущала. Без чёткого осознания или перечня, просто чувствовала, и всё.

Встала, потянулась и отразилась вся в большом зеркале. Яркая. Какая-то она чересчур яркая. Голубой шёлк ночной сорочки чуть приглушён изысканным, более бледным кружевом. Тонкие, очень тонкие, но такие выносливые бретельки. Как женские нервы: тонкие, но прочные, нежные, а не рвутся.

Зачем мне здесь эта новая ночнушка? Я ведь её зачем-то купила. Не помню.

На шёлке золотом отливали солнечные зайчики.

Солнышко.

Солнышко!

Вспомнила!!!

Она враз вспомнила всё, что ускользало.

Тонкие и прочные, невесомые, но не порвёшь... женские нервы.

Улыбка тут же истончилась в поджатые губы. Алевтина ещё раз, с силой, разминаясь, потянулась и стала неторопливо одеваться, избавляясь от раздражающе яркого отражения в зеркале.

Теперь прислушивания к себе совсем ничего не дали. Глухо. Пусто. Ничего не шуршит, не звенит, не живёт. Но это лучше, чем вчера.

Медленно, отсутствуя в каждом своём движении, Алевтина оделась, умылась, достала из холодильника пару крупных нектаринов и полузамороженную бутылку с минералкой, сунула всё к полотенцу в пакет, проверила окна, замкнула комнату и двинулась к остановке маршрутки.

Ещё рано. Очень яркое, жёлтое, приторно-сладкое солнце чередуется с прохладной тенью от зданий. Аля, не выбирая специально теньевую или освещённую сторону улицы, не торопясь, шла мимо автовокзала к остановке. Вдруг сбоку плеснуло солнце, и девушка на мгновенье зажмурилась, а когда открыла глаза, поняла, что не видит так, как должен видеть человек. Алевтина поворачивала голову, а картинка вокруг дробилась на множество одинаковых, искажалась и запаздывала, с заметным отставанием пытаясь сложиться во что-то знакомое и стать целой.

Символично. Мир раздробился, измельчился, ничто не

выглядит нормальным. Алевтина даже не сильно испугалась, ей просто стало интересно: что же с ней происходит?

Кто я теперь? Стрекоза? Кажется, они так видят.

Спустя минуту зрение пришло в норму, интерес к феномену истаял.

Ничего страшного. Вчера было хуже.

Вчера она забыла дышать. Шла, механически считывая названия улиц, и вдруг начала хватать горячий воздух, ощутив дикую боль в диафрагме. Сухое укололо лёгкие, Аля почувствовала весь их объём в груди, спазм отпустил, боль постепенно утихла. Алевтина стала спокойнее вдыхать горячую субстанцию и внимательнее смотреть под ноги, будто дышать забыла оттого, что смотрела вверх по сторонам, на таблички с названиями улиц. Но она-то знала, отчего забыла дышать.

Дышать или не дышать?

Дышать, глупенькая! Дышать.

И каждым вдохом удалять,

отдаляться и забывать,

предавать забвению.

Только так.

Это было вчера. И этого никто не заметил.

А позавчера она рухнула в обморок. Первый раз в жизни потеряла сознание. Так непривычно – лишиться себя на несколько секунд. И необычным было то, что этого её отсут-

ствия в самой себе тоже никто не заметил. Уметь надо! – потом подумала Аля, обнаружив себя на ковре рядом с кроватью.

Не от жары (было одиннадцать вечера, и она укладывалась спать); не от голода (да, она два дня не ела, но заставила себя съесть нектарин и выпила чашку чая); не от испуга или от чего там ещё падают в обморок, а просто так – потерялась на мгновение, и нашлась, будто клапан какой-то предохранительный сработал: отключил, перезагрузил и снова включил психику Алевтины, защищая от чего-то более серьёзного, от настоящего, непоправимого срыва.

Аля ещё тогда удивилась, оглядывая себя в большое зеркало: нет ли синяков да шишек? Ничего нового за секунды перезагрузки на ней не появилось. И оказалось, что падать в обморок совсем не больно и не страшно. Это было позавчера.

А сегодня минуту назад она почувствовала себя мухой, или стрекозой, или пчелой – в общем, насекомым с фасеточным зрением. Когда шла и вдруг перестала нормально видеть. Когда изображение разбилось на мелкие фрагменты, потом, кажется, на цветные точки, и превратилось в мозаику, из которой за секунды, с усилием, надо собрать обратно целую картинку, иначе зрение таким и останется – фрагментарным. Аля сосредоточилась. Резкость навелась, и страх исчез.

В маршрутке самоутверждалась женщина без комплек-

сов. (Лолита. Ориентация Север). Алевтина впервые вслушалась в слова давно знакомой песенки:

*Выдумай
Снова стану мечтой
Кто теперь
За меня будет мной*

*Сделала
От тебя, шаг назад
Смело я
Не вернёшь, не отдам
Что могла
Разделить пополам*

*Ориентация Север
Я хочу, чтоб ты верил
Я хочу, чтоб ты плакал*

*А я не буду бояться
Что нам нужно расстаться
Что мне нужно остаться*

*В миг один
Ты один, ты пойми
Что со мной
Несравним целый мир*

– Да. Со мной несравним целый мир, – прошептала Алев-

тина и поймала взгляды попутчиков.

Снова улыбнулась чему-то – то ли взглядам, то ли мыслям. И только сейчас заметила свою улыбку. На четвёртый день она, наконец, улыбается. Теперь легче. Она не разучилась улыбаться, ещё умела. Значит, будет чему улыбнуться в будущем. В ближайшем будущем. Обязательно.

Ей хорошо.

Ей должно быть хорошо.

И будет.

Очень скоро.

Если она выдержит.

А она выдержит.

Обязательно.

Раз кто-то справился с такой ситуацией, она тоже справится.

Сегодня уже лучше.

Накануне Аля чуть не утонула в море. Она не хотела, конечно, даже не думала, но вдруг отключилась и почувствовала, как нос оказался под водой и втянул солёную влагу внутрь. Встрепенулась, прокашлялась, отогнала дурман и оглянулась – до людей ой как далеко! – а до берега и того дальше. Неуютно стало, хотя Алевтина всегда заплывала к самым парусникам, бесстрашно и уверенно – ещё в детстве с берега не было видно её головы за мелкими волнами. Но вчера Аля почти испугалась. Не по себе стало как минимум. Не за тем на море ехала.

Теперь она снова отключилась в воде, но уже не так страшно было – успела подстраховаться от шуток собственного организма: купила маленькую обтекаемую подушечку, и бархатистая упругая страховка сработала, поддержала. Копеечная подушечка оказалась надёжнее мужчины.

Почему же утром Алевтина не могла вспомнить, что с нею произошло? Совершенно серьёзно. Что-то или кто-то старательно защищает её психику. Может, так работает Ангел-Хранитель?

Алевтина верила в Ангела-Хранителя. В церковь не ходила, работу имела более чем практичную и далёкую от Бога, но в Хранителя верила. Это бабушка её приучила с самого раннего детства. Она тоже верила как-то по-своему: в Ангела и в Дьявола; по крайней мере, других имён Аля не помнила. Одного бабушка звала на помощь, другого боялась и слала проклятия, но никогда при этом не крестилась почему-то.

Уже взрослой, разобравшись в университете с основами христианства, Алевтина удивилась нелогичности бабушкиной веры, но спросить к тому времени стало некого: бабушка умерла. А тогда, в детстве, маленькая Аля твёрдо усвоила: Ангел-Хранитель существует, обитает где-то за правым плечом, и к нему в случае чего можно обращаться за помощью. Но в эти дни она напрочь забыла о том, что можно кого-то просить помочь, да ещё и в любое время. И не просила. Ни в этом мире, ни в том. От родителей отшутилась: не стоит им вникать во всё и переживать. Делилась только с сестрой,

да и то не сразу.

После ночного дождя песок ещё совершенно не прогрелся – сидеть пришлось на подушечке. Облаков появилось неожиданно много. Висят так низко, что, кажется, пройдёшь чуть дальше, за пляж, и дотянешься до самого кудрявого, оторвёшь кусочек.

В детстве Алю всегда интересовал вопрос: облака – они сладкие, как сладкая вата, или безвкусные, как вода? Интуиция и логика подсказывали, что безвкусные, но хотелось верить, что сладкие. Вот так всегда: шестое чувство со здравомыслием намекают, а нам хочется верить. Облака совсем легли на крыши домиков турбазы и запутались в верхушках деревьев, особенно в ивушках – и те и другие ведь кудрявые.

Море такое чистое – ничего, кроме воды с барашками, и это после вчерашнего шторма! Пустынный пляж заполнялся медленно, но неизбежно. Не пугали отдыхающих ни холодная вода, ни мокрый песок, ни ветерок. Большое серое облако закрыло солнце, и море тут же потемнело – куда подевалась нефритовая полумутность?

Какой-то мальчишка истошно орал, выжимая из себя подобие плача, а всё дело только в том, что ему не дали залезть на подстилку с грязными ногами. Взрослые делали вид, что не замечают натужно выдавливаемого вытья. Противный, гадкий ребёнок. Чем дольше Алевтина жила, тем больше убеждалась, что на свете много гаденьких детей. Иначе откуда берутся взрослые сволочи?

Аля окунулась. Вода ещё прохладная, но купаться уже можно. Да ей такая и нужна сейчас – чтобы остужать внутреннюю магму.

На глубине Алевтине начал подмигивать лысоватый мужичок. Она сделала вид, что не заметила. Дожилась! Только этого ей не хватало. Заигрываний главы визгливого семейства, суматошно перемещающегося по пляжу, который смеет подмигивать только потому, что до жены далеко и в воде не видно его внушительного пуза.

Ни одного папы на пляже без набрюшника. Так, пара шклявых дистрофиков, на которых смотреть страшновато, остальные все – обрюхатившиеся пингвины, с неизменным атрибутом сытой семейственности: округлым вмятым брюшком – пивным, «для солидности» или «чтобы не подумали, что жена плохо кормит». Так глубоко утвердились идиотские стереотипы лодырей, что уже просто неприличным считают, если у мужчины после тридцати нет брюшка. Глупо получается. Может не быть ума, карьеры, достатка, любви в семье, но набрюшник должен быть обязательно. Эдакий убогий символ того, что «жизнь удалась»; на самом же деле мужичонка просто кушает вволю и, наполняясь безразличием ко всему окружающему, деградирует, спускаясь со своих, как правило, невеликих высот.

Загадочная дама в бахроме долго дрейфовала около Али, решая, где же ей припесочиться. Успела завонять всё тяжёлыми духами. Больше всего Алевтину раздражал на мо-

ре запах парфюмерии. Какие-то весьма недалёкие сущности ухитряются набрызгаться туалетной водой, идя на море. И потом сквозь морской бриз душит какая-нибудь приторно-сладкая муть. Фу! Алевтина отвернулась.

Колоритная семья второй день располагалась на пляже то справа, то слева от Алевтины. Мама с дочкой лет шестнадцати. При совершенно гармоничных отношениях – резкий контраст во внешности.

Субтильная смугловатая мама с мелкими чертами и жидкой прямой стрижечкой совершенно не умеет носить собственную грудь: придавила и унизила её неправильно подобранным купальником. Спину и попу мама носить тоже не умеет: сутулится, поджимается, будто стесняется своей женской природы.

Иное дело – её малолетняя дочь. Крупная, белокожая, с длинными кудрявыми волосами, с пышной высокой грудью, что едва умещается в объёмных чашечках, норовя вырваться на волю. Эта себя не стесняется, носит высоко и уверенно, хотя плавать не умеет и в море висит на маме. На маме ещё висит блёкляя косыночка и никаких украшений; а на дочке – серьги, браслеты, цепочка, дорогие очки и весьма изысканное парео нежнейшего рисунка. Женщины явно представляют собой разные породы. Но старшая до сих пор не понимает, что нужно уметь нести даже незаметную грудь, потому что это уже врождённое достоинство, о котором мечтают как особи мужского, так и псевдомужского пола.

Алевтина улыбнулась промелькнувшим образам.

На соседней подстилке загорала подтянутая девушка в вычурном купальнике в цветочек. Она уже дважды заходила в воду, но недалеко, оглядываясь на своё местечко под солнцем. Алевтина дождалась, когда соседка по пляжу вернётся, и обратилась с просьбой:

– Извините, вы не присмотрите за моими вещами, пока я окунусь?

Девушка с готовностью закивала, доставая из-под кепочки длинную русую косу; отжала её и бросила за спину. Конечно, присмотрит, купайтесь, сколько хотите, – ответила по-украински. И Алевтина впервые за эти дни купалась вволю. Наплескавшись, возвратилась к подстилке.

– Спасибо вам большое! – поблагодарила соседку.

– Да нема за що! – снова откликнулась та своим не местным, но очень певучим говорком.

– Я смотрю, вы тоже одна, – продолжила разговор Алевтина (а я не должна быть одной! – мелькнуло в голове).

– Так, і незручно як! Я вже тут третій день, так від речей далеко відійти не можу. (Да, и так неудобно! Я уже тут третий день, так от вещей далеко отойти не могу.)

У девушки была добротная подстилка, яркое пушистое полотенце в солнышках-подсолнушках, неординарная пляжная сумка и эффектные сабо. Я думаю! – про себя согласилась Аля. Не хочется лишиться таких вещей.

– А давайте скооперируемся, – предложила вслух. – Бу-

дем загорать рядом.

– Ой, а давайте! – обрадовалась соседка-подсолнышек, вдруг перейдя на русский.

– Как вас зовут?

– Зоряна.

– Какое имя необычное! А меня – Алевтина.

– А у тебя, скажешь, обычное! Давай «на ты»?

– Без проблем. А ты откуда?

Оказалось – из Тернополя. Домохозяйка с двумя дочками. Хотят с мужем сына. Приехала в санаторий решать женские проблемы. С утра Зоряна на море, а после обеда у неё процедуры.

Всё это Аля поняла, выудив из быстрого говорка пани Зоряны, который было труднее разобрать, чем тот украинский, с каким москвичка уже сталкивалась, хотя звучал он красивее. Песня, а не речь! Спohватившись, украинка снова перешла на русский с лёгким акцентом нездешней беглости.

Отлично. Алевтина нашла себе компаньонку на полдня. Она как раз сегодня решила, как организует своё пребывание на море. С утра – на Верховую, к более чистому и глубокому морю, а после трёх уже на городской пляж – больше за загаром, чем за морем.

После обеда на море не хотелось. Она прошлась по магазинам, а ближе к вечеру отправилась на набережную. Затёртый психологический приём: чтобы избавиться от внутреннего одиночества, приправленного острой депрессией, нуж-

но оказаться среди большого скопления народа. Проще говоря, толпа вокруг помогает отвлечься от себя и забыться. Именно это ей сейчас и нужно.

Она опять забрела на рынок у моря. На этих прилавках столько всего интересного, а рассматривать ещё нет желания. Может быть, позже. Вот здесь Аля вчера купила подушечку для купания, и ещё хотела парео посмотреть. Она, конечно, привезла с собой платок, специально подобранный под купальник, но тот, что мелькнул вчера, был гораздо красивее, и за смешные денежки, по московским-то меркам.

Девушка стала вращать крутящуюся вешалку с сотней цветастых лёгких платков, отыскивая приглянувшийся накануне. Продавец узнал её, улыбнулся и подошёл.

– А, это снова вы! Я вас помню.

Ещё бы. Алевтину трудно забыть, раз увидев.

– Снова я. Мне у вас одно парео понравилось. О! Вот оно. Ещё не перехватили. Я его беру. И ещё...

Она подняла глаза на пляжные сумки. Та, что привезена с собой, уже не годилась: слишком маленькая, только для самого необходимого; ни подстилка, ни подушечка не помещаются.

– Сумки? Смотрите, пожалуйста. Вот красивая. Не нравится?

– Нет, уж больно аляповатая, и мне побольше нужна, чтоб ваша подушечка в надутом виде помещалась, а то вы мне её так хорошо подкачали.

– Тогда вам сумка-рюкзак нужна.

– А это что ещё такое?

– Это самая вместительная модель. Вот, посмотрите, у нас здесь оранжевая, зелёная, жёлтая...

Заиграла «рабочая» мелодия на мобильном.

– Извините, работа.

Алевтина прервала поток рекламного красноречия продавца и, перебирая вывешенные сумки, отвечала заму:

– Нет, Оль. У Ирины Ивановны всё. Я оставила. Петербург ответил?.. Хорошо. А немцы? Молчат?.. Ну, у них ещё неделя на раздумья. Не суетитесь. Я вот эту возьму.

Она указала на симпатичную сумку цвета морской волны с диковинной подводной растительностью на лицевой стороне. Парень ловким движением отцепил подвешенную высоко над головой сумку.

– А нешуточная у Вас, наверное, работа! А я вот тут подушечки надуваю, – молодой человек пожал плечами и кивнул в сторону ящика с накачанными подушечками.

Аля улыбнулась в ответ. Хорошо, когда люди не довольны мелким настоящим – это может подтолкнуть к глубокому будущему. Главное, чтобы не топились при этом, и подушечками пользовались. Помогает.

Его уже дважды окликнули, о чём-то спрашивая, но парень всё смотрел вслед удалявшейся красавице. В прошлое своё явление эта девушка без имени была похожа на грустный растерянный лютик в коротком жёлтом сарафане и под-

нимающих над землёй босоножках. Теперь она напоминала нежную веточку сакуры в своей длинной узкой юбке с высоким разрезом по ноге. Как этот цвет теперь называют? Винтажный розовый. Была у него такая сумка в начале сезона. Вот она бы сейчас идеально вписалась в наряд девушки.

Сумка бы вписалась, а он – нет. Такие женщины всегда принадлежат другим, а для него они только изящные безмянные веточки, и всё, что он может – это помочь подобрать сумку. Он вряд ли уже увидит эти прозрачно-зелёные глаза и пепельную, пышно взбитую стрижку. Интересно, они настоящие – глаза, волосы, и... Впрочем, он почему-то был уверен, что у такой девушки всё настоящее.

«Мыс Доброй Надежды» – считала Алевтина с красочного флайера, что сунул ей в руку грязный гигантский Банан. Как же им жарко, бедным! – посочувствовала девушка, провожая глазами студентов-аниматоров, что приставали, в основном, к детям и их родителям.

Хорошее название для аквапарка. Бердянский аттракцион, кажется, был самым большим в Украине на момент открытия – сынишка хозяйки хвастался. Алевтине обязательно нужно побывать на Мысе Доброй Надежды. Просто обязательно.

Дома девушка ещё раз рассмотрела парео с сумкой и осталась довольна покупками.

«И почему я раньше всё это не купила?» – подумала. Но раньше ей было не до сумок с платками.

Поздно вечером позвонила сестра.

– Ну, как ты там? Сегодня хоть купалась?

Говорит намеренно бодреньким голоском, и это так чувствуется! Эх, Дашка, Дашка! Настроение пытается создать.

– Нормально. Сегодня весь день на море пробыла – теплое, чистое! Здорово!

– Вот хорошо!

– Подушечку себе купила, чтобы плавать. А ещё парео нашла лучше того, что мы с купальником покупали, помнишь? – Алевтина тоже зачастила фразами, подражая тону сестры (благо было, чем поделиться), чтобы Даша подумала, что она уже пришла в себя. – И сумку огромную такую купила! В неё всё помещается: и подстилка, и подушка, и бутылка воды. А если вещей мало, то она затягивается аккуратным рюкзачком.

На том конце долго, прерывисто вздохнули:

– Ну, слава богу!

– Что?

– Да ничего, всё нормально, – уклонилась от ответа Даша.

Алевтина прекрасно поняла значение и вздоха сестры, и её восклицания – и грустно улыбнулась: ах, вот о чём она!

Но что, собственно, произошло? Ведь ничего страшного не случилось. Хотя тело так не думало, иначе зачем ему такие фортели выдавать? Задело его всё-таки, зацепило. Ну, ладно. Теперь действительно пора заняться спасением души, а тело уж как-нибудь подтянется.

Аля достала приобретённые днём тетради – надо решить, какая из них для чего, расположилась во дворе с чашкой чая за своим персональным пластиковым столиком и открыла первую спасительную тетрадку. Вот в ней – нереально красивой, в глянцевой обложке, с разноцветными страничками – будет послание Денису. Нет, не так. «Послание ТалисМальчику».

Он не пожелал объясниться, не захотел её выслушать, значит, теперь получит полный набор комментариев, который заслужил. Не больше и не меньше. В этой тетради соберутся все мысли Али по поводу произошедшего: всё, что накопилось, но осталось неозвученным; всё, что должен услышать он и необходимо высказать ей, чтобы не взорваться и не двинуться умом.

В том, что после заполнения эта тетрадь будет им прочитана, не было сомнения. Хотя бы один раз, но он её просмотрит перед тем, как уничтожить. Выиграет обычное любопытство, подвигшее человека на многие подвиги и преступления, и желание узнать: а что же там мне, лично мне, написано?

Алевтине всегда казалось, что непрочитанных писем на самом деле гораздо меньше, чем людям хочется продемонстрировать. Встречая в литературе упоминания о брошенных в огонь нераспечатанных конвертах, она была уверена, что письмо полетело в камин только потому, что имелись свидетели его получения, перед которыми надобно бы-

ло держать лицо. Даже если адресат и адресант – заклятые враги, между ними не сразу вырастают языки пламени. Большинство писем читается – и лишь потом предаётся огню. К тому же раньше существовало намного больше условий, дабы сиюминутно избавиться от письма: растопленный камин – большой соблазн, и запросто поглотит в своём горящем горле конверт с несколькими листками. Чтобы сжечь объёмную тетрадь в глянцевой обложке – тетрадь-книгу, – нужно приложить больше усилий и создать условия для работы огня. Так что в том, что её «Послание» будет прочитано, Аля ничуть не сомневалась. Осталось только его сформулировать, оформить и подумать о доставке в руки адресата. Но об этом Алевтина поразмышляет после, когда «Послание» будет завершено.

Итак. По порядку вряд ли получится – в голове сумбур и... Но нужно с чего-то начать эту затянувшуюся историю, три дня назад ставшую банально псевдолюбовной. Аля непривычно шумно отсербнула ещё горячего чаю, покрутила пальцами ручку и коснулась первой линии.

Лето. Бердянск. Мне шесть лет. Я катаюсь на качелях с мороженым в руке. Подбегает Серёжка Курткин, довольно гикает и выбивает у меня мороженое. Пёстрая, едва початая пачка летит в траву, и пока я раздумываю, говорить ли бабушке, и каким кошечкам и собачкам скормить обро- ненное, ты подходишь и врезаешь Серёжке. Через пять минут тот приносит мне точно такое мороженое.

Стандартная, классическая мизансцена для далеко заходящего знакомства. И моё первое воспоминание о тебе.

Тогда я поняла, что в Бердянске у меня появился заступник – свой царевич, из тех, что всегда спасёт, не даст в обиду и, в конце концов, женится. Эта мысль до сих пор в моём сознании ассоциируется с пачкой пломбира. Пломбирный Принц. Мороженый Принц. Отмороженный, в общем.

Годами я не догадывалась, что Серёжка тоже был в меня влюблён и, цепляя, демонстрировал свои чувства. Ты был двумя годами старше и ухаживал уже как положено, ни разу не выбившись из образа царевича.

Но разве были вы в меня влюблены? Не уверена, что вы заметили мою красоту или душу. Вы просто дешёво купились на дорогую картинку. Приехала московская девочка в невиданной одежде, с шикарными бантами и сказочными игрушками. Резиновых босоножек с пряжками – «мыльниц», заколок в виде Минни Маус и говорящих кукол в ваших краях не видали. И зрелище впечатляло не только соседских девчонок, но и мальчишек. Хорошенькой славной девочке было невдомёк, почему с ней все кидаются дружить, и дружат меньше, когда запасы импортной жвачки, предусмотрительно купленной папой, истощаются. И только собственные братья и сестра дружат всегда, со жвачкой и без.

Их, внуков, всех четверых, на лето сбрасывали к бабушке: Алевтину с Дашей привозили из Москвы, братьев – из

Владивостока. Разница между детьми была по два года: четыре, шесть, восемь и десять. Маленькая Аля думала, когда же брат Женя перестанет быть на два года старше, и боялась, что братик Вовик вот-вот её, Алю, догонит. Она так и говорила, когда злилась:

– Вот когда я, Женька, стану такой, как ты, а ты таким, как я! Вот тогда-а!..

Наверное, «вот тогда-а» должно было случиться что-то очень страшное. Аля запомнила, что именно, но зато помнила, что в шесть лет она окончательно уяснила, что Даша всегда будет старше на четыре года, Женя – на два, а Вовик – на два года младше.

Как раз в то время, катаясь на качелях (а она вечно на них летала), Аля осознала по-взрослому и всерьёз, что в мире есть вещи, которые никак нельзя изменить; и тогда же (или чуть позже) решила постараться в своей жизни не делать ничего такого, что изменить нельзя.

А ещё в своё шестое лето девочка чётко уразумела разницу между их – «московской» – бабушкой и другими бабушками двора, хотя, конечно, москвичкой бабушка не была, разве что в гости приезжала раз в год.

Разница эта лежала на поверхности, но почему-то другие её не замечали.

Пока остальные бабушки обсиживали лавочки и обсуждали, во что одеты Даша, Аля, Женя и Вовик (*как с Парижу!* – восклицали бабушки. Им, конечно, виднее, они ведь всем

двором бывали в Париже и точно знали, в чём там ходят). Так вот. В то время, пока бабушки провинциальные завидовали, бабушка «столичная» пекла, лепила, варила, тушила и каждый день водила на море внуков. Она набирала сумку еды – пирожков да компота – на четыре ненасытных детских рта и шла с малышнёй подальше от порта, на чистый пляж.

У бабушки болели ноги и спина, и она не могла сидеть часами на подстилке, пока детвора резвится, поэтому специально для неё брали складную скамеечку, которую любила носить на пляж Аля. Девочка оставляла сумки с пирогами и бутербродами старшим (они не подходили ей по росту и били по ногам), а сама заботилась о скамеечке, которую нести было удобнее. Аля часто, размещая на плече трубочки скамеечки, говорила бабушке: когда я вырасту, а стульчик сломается, я куплю тебе новый.

Иногда они ходили на море с утра и оставались до полудня, но чаще по утрам бабушка занималась домашними делами, а море, самое прогретое, было с трёх до семи. Совсем рано, пока внуки спали, бабушка ходила на рынок, а потом готовила, стирала, убирала для всей улыбающейся оравы, такой любимой и родной. Ради глазёнок и улыбок своей детворы бабушка напрочь забывала о собственных болячках. И каждый день дети плескались в море, а бабушка читала, скрываясь от солнца под полями огромной смешной шляпы (пожилая женщина считала, что пигментные пятна на лице – это просто слишком активные веснушки, и если их прятать

от солнца, они сойдут).

Возвращаясь с моря, вся ватага проходила мимо обсиженных старушками лавочек. Другие бабушки переживали губительную для их здоровья жару в квартирах, и выдвигались понежиться в тенёчке лишь когда солнце пряталось за домами. Они не водили внуков на море (ни местных, ни привозных), а бабушку Али считали либо слишком здоровой, либо ненормальной.

Сами дворовые бабушки болели. У них болели руки, ноги, спины, головы, сердца и глаза, и вообще им вредно было находиться на солнце, поэтому они совсем не двигались и практически ничего не делали. И внуки их, только достигнув определённого возраста, начинали бегать купаться сами, дворовыми стайками. А бабушки, завидя «столичную» семью, вслух завидовали: вот бы их Вале, Пете, Наташе такую одёжку! А в шестилетнем сознании девочки образовалась чёткая взаимосвязь между сидением на лавочке и бедной одеждой.

Алевтина не купила бабушке новый стульчик, как обещала. Старый ещё не успел износиться, а бабушка успела умереть. «Здоровая» и «ненормальная» бабушка умерла, а «нормальные», все годы болеющие бабушки (все до единой! – Аля пересчитала) всё так же обсиживали лавочки. Лучше бы *вы* все сгинули! – в сердцах кричала Аля, оказавшись на похоронах сразу после вступительных экзаменов. По вам всё равно только лавочки скучать будут!

Но лавочкам скучать не давали. Их заполняли мясистые тела, которые сидели, не выходили на солнце и ничего не делали, чтобы сохранить здоровье и дольше прожить; а жили дольше, чтобы ничего не делать, не выходить на солнце и сидеть на лавочках. Тогда, кажется, Алевтина возненавидела всех этих «лавочных» бабушек.

На глаза попалась вторая тетрадь – надо уделить внимание и ей. Здесь будут аффирмации – сильный психологический приём, не раз помогавший Але в трудных обстоятельствах. И она стала писать – строчку за строчкой, строчку за строчкой:

Я предаю забвению прошлое. Я свободна.

Я всегда на должной высоте.

Я веду себя адекватно во всех ситуациях.

Аля закрыла тетрадь. На сегодня хватит. Но легче пока не становится. Может, сон поможет?

Она переделалась в сорочку с подсветкой и замерла перед трюмо. Отражённая ночная сорочка особенно сосредоточенно демонстрировала грудь, и застенчиво, в разрез, приоткрывала начавшие загорать ноги. Сорочка выбиралась для него. Специально. Исключительно. К чему теперь? К глазам? К волосам? К грядущему морскому загару? Неважно. Потому что она предназначалась его взгляду, его рукам, чтобы шёлк был первым, чего бы они коснулись – и взгляд его, и руки; чтобы нежная прохлада ткани оттенила тёплый шёлк кожи. Кружевные, совершенно невесомые трусики подбирались под цвет кружев сорочки – точь-в-точь. Алевтина хоте-

ла надеть всё это в первый вечер.

Плохо. Всё ещё очень плохо. Мысли давят, чувства душат. Айпод и Лара Фабиан снова пришли на помощь. Крошечные наушники на время изолировали от всего мира, о котором не хотелось думать, в котором не хотелось быть. Иногда музыка эффективнее всяких психологических техник. Особенно *твоя* музыка.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Казалось бы – море, солнце, отпуск! Но дни шли гадкие, ползучие. Ночи ещё гаже, ещё отвратительнее. Сегодня снова снились кошмары. На этот раз Алевтина была в тёмной живой комнате, и комната громко шипела:

– Стремитесь всегда к идеалу, но не считайте каждую эмоцию идеальной, если она в действительности не такова (Э.Баркер. Послания с того света).

– И ошибка бывает полезна, пока мы молоды, лишь бы не таскать её с собою до старости (В.Гёте).

– Не висни на прошлом. Те, кто виснет на прошлом, не имеют будущего.

Звук доносился отовсюду: устремлялся из стен, свисал с потолка, поднимался с пола. И каждая умная мысль достигала её, Алевтиноного, тела, пронзая насквозь. И это была даже не боль, а нечто большее. Боль проходит, а это – это большее – Аля знала, не пройдёт никогда. И она слушала, и слушала, и пронизывалась новыми мыслями, потому что деться ей было из этой комнаты некуда.

– Когда одна дверь счастья закрывается, открывается другая; но мы часто не замечаем её, уставившись взглядом в закрытую дверь (Хелен Келер).

– То, что ты называешь страстью, – это не сила души, а трение между душой и внешним миром (Герман Гессе).

Комната шипела и шипела, но с каждым афоризмом Аля понимала, что эта мудрая живая комната права.

Алевтина тяжело проснулась и снова потащила себя на пляж.

Она уже выходила из моря, когда огромные тяжёлые волны, почему-то тёмно-лилового цвета, куда-то её поволокли, подталкивая. Странные какие-то волны, невесёлые. Море нефритовое, спокойное, а это нечто другое. Тянет, давит. А-а-а... Понятно. Вот ты, значит, какой бываешь, Депрессия. Захлёстываешь тёмно-лиловой волной, молча и тяжело. Теперь нужно, чтобы лиловые волны не настигли посреди нефритовых. Раньше как-то быстро удавалось от неё отделываться: домашний сеанс самоанализа, душевная беседа с любящими, крепкие объятия, поощрение себя какой-нибудь деятельностью – и только её и видели, депрессию эту. А сейчас не уходит, не отпускает.

Хорошо тому, кто умеет жевать шоколад и рыдать в подушку. Алевтина этого не умела – ни сладости поглощать, ни плакать свободно, от души, чтобы всю горечь выгнать, раз она сама выйти не может. Аля вообще не умела ничего, что делают в дешёвых романах, может, потому, что раньше не создавала себе дешёвых ситуаций.

Она снова погрузилась в лёгкое полузабытьё. А разве полузабытьё бывает лёгким? – мелькнула мысль перед погружением.

Ещё одно уродливо облепленное купальником туловище

заволокло себя в воду – нехотя, неуклюже и некрасиво. Иногда кажется, что большинство так и живёт: нехотя, неуклюже и некрасиво. Будто каждым своим движением по жизни говоря: так уж и быть, я сделаю этот шаг, но имейте в виду, вы мне теперь за это будете пожизненно обязаны. Вот и эта колобочка в гадко-золотом заходит субмариной в воду, да так, словно одолжение делает и морю, и тем, кто содрогаются от зрелища сего.

Алевтина терпеть не могла плохо подобранные купальники. Такое впечатление, что все некрасивые туловища задались целью сделаться ещё некрасивее: помещают свои колобковые попищи в непомерного размера трусищи; приплюскавают грудь, едва прикрывая «шторочками» ореолы, когда можно подобрать отлично сидящие «чашечки»; или просто раскладывают грудь на пузе, в то время как её можно приподнять и создать иллюзию для посторонних глаз, не знающих настоящего положения грудей.

Пани Зоряна оказалась искренней и говорливой. Алевтину удивило, как та выдержала свои два одиноких дня на пляже – в молчании и без слушателя. Але общительность девушки-подсолнышка была на руку: она отвлекала от мучительных размышлений и при этом позволяла особо не откровенничать самой.

Алевтина узнала, что и доченьки у Зоряны чудесные, и муж хороший, не пьёт, и магазин автозапчастей держит, и дом просторный – они гостей любят принимать. Только сы-

ночка им для полного счастья и не хватает. Вот и послал её муж в санаторий – оздоровиться перед беременностью.

– А у нас в Тернополе тоже красиво: замки, пещеры, костёл, и озеро есть... Приезжай в гости.

Классический украинский Алевтине было легче понимать – на него периодически соскакивали партнёры и клиенты из Киева, и именно его как-то в детстве Аля обнаружила во втором ряду бабушкиного книжного шкафа. Книжки и два школьных учебника – наследство от папы и дяди – были усвоены девочкой за её пятнадцатое лето, и навыки, приобретённые тогда, неоднократно помогали Алевтине в работе и в жизни. Аля ни разу не пожалела о времени, потраченном на знакомство с ещё одним языком, и от души веселилась, услышав в новостях жуткий суржик из уст украинских политиков. А вот тернопольский диалект отличался от классического, и Аля часто переспрашивала, когда Зоряна вдруг срывалась с русского на свой родной.

Вслушиваясь в говор женщины с интересом доморощенного лингвиста, Алевтина улавливала отличия от русской речи и думала о ненависти к москалям. Той, которая из анекдота. Где она? Москвичка не прикидывалась украинкой, хотя могла бы, ведь здесь всё равно по-украински разговаривают только приезжие с Запада. И местной можно притвориться, но зачем? Они прекрасно ладили с украинкой и так – вот бы и странам так же хорошо общаться!

Один хороший Алин знакомый только этой зимой ездил в

Карпаты на лыжах кататься, и когда узнавал по поводу охоты, местный фрукт ему пропел:

– А ти, москалику, не повернешся з цього лісу, не повернешся (А ты, москалик, не вернёшься из этого леса, не вернёшься).

Слушая новую знакомую, Алевтина не могла понять, где у людей могут обитать такие мысли и слова, и в какой дремучий лес забрели карпатские души. Чтобы край, живущий за счёт туризма, так ненавидел приезжих! Такого она ещё не встречала. Прикидываются, что не понимают по-русски, игнорируют, хамят. Интересно, есть ли ещё где в курортной местности подобная ненависть к туристам? Алевтина уже много стран объездила, но пока нигде не встретила аборигенов, что так не терпят приезжих, за чей счёт живут.

Звонок Даши отвлѣк от закарпатских умствований.

– А что там у тебя играет такое красивое? – Аля перебила сестру на полуслове.

Она уловила скрипку где-то далеко, в самой Москве, и вдруг поняла, что скучает. Не по кому-то конкретному, а именно по скрипке, играющей в Москве.

– Да это Моцарт. В обработке.

– Хорошо вам. У вас там моцарты играют...

Пошлость какая-то. Не получается шутить. Совсем не получается. Но сестра, кажется, понимает, и не цепляется к словам, не ждѣт искромѣтного юмора. Даша названивала несколько раз в день, мама тоже чаще, чем дома, а вот папа

напомнил о себе лишь однажды: он всегда чувствовал, если человеку нужно побыть одному, хотя переживает – Аля знала – не меньше других.

Зоряна ещё во время разговора ушла купаться, и Алевтина занялась обычным пляжным делом – разглядыванием соседей.

Неподалёку многоголосое семейство усаживало в шезлонг грузную пожилую женщину. Та вяло помогала процессу, придерживая шляпу на голове.

Бабушка была не такой. Ей хватало скромного складного стульчика, она была щуплой и не пассивной. И ни разу никого не заставила суетиться вокруг себя, всю жизнь хлопотала сама.

По зиме бабушка надолго – на целый месяц! – приезжала в Москву и встречала Новый Год с семьёй «московского» сына. Так уж у них было заведено. За бабушкой следом в поезд, а затем и в квартиру затаскивали ящики с консервацией – банки с вареньями и бутылки с соленьями.

Мама не любила консервировать, а бабушка, памятуя время, когда в столице за клубникой-черешней надо было очереди недетские выстаивать, варила в сезон разнообразные варенья и передавала поездом, и привозила потом с собой.

С приходом бабушки для Даши с Алей начинался месяц безделья и обжорства. Если летом удавалось гулять, бегать, плавать и не поправляться, то месяц зимой изрядно округлял девчонкам щёчки, а любимые брюки переставали застё-

гиваться на поплотневших талиях. Может, поэтому им обeim так легко контролировать вес теперь, ведь они ещё сызмальства уяснили: малейшая объедаловка влечёт за собой невозможность пойти на день рождения в любимом платье, которое скорее лопнет, чем застегнётся!

Мама тоже любила печёное, но готовила не каждый день, и рецепты использовала поизысканнее – тортики, пирожные, наполеоны. А для бабушки главными были не изыски, а чтобы стол от яств ломился. И готовила бабушка вкусняшки каждый день: оладики, блинчики, сырники, лепёшки, пирожки и пироги с разнообразными начинками.

Аля с Дашей наедались до отвала, а потом перед сном шли в кухню и доедали то, что осталось – всё равно завтра с утра пораньше будет что-нибудь свеженькое.

Мама в «бабушкин» месяц отдыхала от кухни и готовила дом и себя с девчонками к Новому Году. Она спокойно курсировала с детьми по магазинам, тщательно выбирая наряды и подарки к празднику, зная, что неугомонная свекровь не оставит семью голодной.

И хотя мама несколько отличалась от бабушкиного идеала, старшая женщина была достаточно мудра, чтобы не раздражаться на сноху и не сеять раздор в семье сына. И тому был целый ряд причин.

Первое. Сноха была красива, а это очень важно. Смотришь на её совершенство, и кажется, что придраться не к чему.

Второе. Сын до потери сознания жену любил, и это замечали все.

Третье. У них получились чудесные детки – в сына умные, в невестку красивые, в обоих – с характером. Всегда ухоженные и счастливые, девчонки обожали маму, а значит, как мама она состоялась. И это главное.

А то, что невестка консервировать и хозяйством заниматься не любила, так зато она очереди московские умеет выстаивать – тоже нужное занятие.

В тот последний с бабушкой Новый Год Аля что-то чувствовала. Она не убегала из дому, как раньше, по своим неотложным девичьим делам, а стремилась как можно больше времени проводить с бабушкой. Они тогда много разговаривали на серьёзные темы, и девочка всё предвкушала, что летом, когда окончит школу, поступит и станет совсем взрослой, они с бабушкой наговорятся ещё больше.

В планах Алевтины было забирать бабушку в Москву на весь холодный сезон, где-то с октября по апрель. Что ей одной куковать в бледном зимнем городке? Но для этого надо сначала окончить университет, потом обзавестись собственной семьёй и жилплощадью. В общем, ещё много чего надо сделать. Аля подробнейшим образом распланировала семь лет своей послешкольной жизни, и ни разу при этом, ни на миг, не могла себе представить, что из её планов так неожиданно уйдёт бабушка.

Ну почему так рано уходят те, кого любят? И так надолго

задерживаются те, кто никому не нужен? Ответы Аля искала в философии. Становилось чуть легче, но боль не уходила, лишь приглушалась.

Шумная стайка детворы на трёх велосипедах рассыпалась у воды, заняв сразу много места. Аборигенчики. Сразу видно по тому, как уверенно себя ведут. Они тоже так делали в детстве. Вместе с малышнёй со двора, несколькими велосипедами. Денис сажал кого-нибудь мелкого на раму, Аля занимала жёсткий неудобный багажник, хотя предусмотрительно положенная на него подстилка и пыталась сделать его удобнее; и они катили на море.

Там Денис плескался с мелюзгой на мелководе, словно ему поручили отвечать за каждого маленького купальщика, Алевтина же заплывала далеко и наблюдала за пёстрым мячом, в который играли у берега, и думала, что Денис наверняка будет хорошим папой.

Но опекал лучший рыцарь района не только Алю и малышей. Бывают крёстные отцы, а Денис был известным всему двору Кошачьим Папой. Именно он давал котяткам имена, причём наряду с Мурчиками, Рыжиками и Мурёнками довольно неожиданные. Так, в разные годы по двору бегали Гамлет, Пистон, Кирпич, Тормоз, КотоВася, Гардемарин и Карлсон. Но любимцем двора был Мурлыка: рыжий, с белыми перчатками на всех четырёх лапках, и белой манишкой – точно как в старой детской песенке поётся на бабушкиной

пластинке. Мурлыка был заводилой в кошачьей компании и авторитетом у всей кошачьей братии. Прямо как Денис у пацанячьей.

Этот гордый кот признавал только Дениса, но жить у него не хотел. Так, поесть заходил время от времени, но никогда не оставался на ночь, иногда пропадая где-то на улицах неделями. Более независимого кота Алевтина не встречала. Это был воистину *Кот, который гуляет сам по себе*.

Жители двора исподволь любовались двумя рослыми жилистыми красавцами с редким достоинством во взгляде и настоящей кошачьей пластикой в движениях: котом Мурлыкой и Денисом, которому кто-то дал кошачье под-имя Мур.

В общем, было во что влюбиться. Все мамыши округи с сентября по май прочили Дениса себе в зятя, но наступало лето, приезжала Аля, и разговорчики в строю мамаш смолкали до осени, а московская принцесса всё лето считывала с лиц потенциальных тещ лёгкое выражение неприязненной зависти. С отъездом москвичей ропот в нестройных рядах мамаш возобновлялся.

Соседка Юля, чем-то тоже напоминая ласковую кошечку, была влюблена в Дениса по самые свои кошачьи ушки. Однако куда было смазливенькой, но самой обычной бердянской девочке до Алевтины! И всего того, что влекло за собой общение с москвичкой. Каждое появление сестёр на каникулах производило очередной фурор, и весь двор где-то неделю – от детей и мамаш с колясками до мясистых лавочных бабу-

шек – обсуждал приезд обеспеченных москвичей.

В какой-то момент Але показалось, что Денис интересуется Юлей больше, чем ею. Но, приглядевшись, девочка сообразила, что это Юля глаз не сводит с Дениса, а он её совершенно не замечает. Как качели во дворе – есть они, нет их – ему безразлично.

Тогда подрастающая Аля – был грех! – свысока смотрела на несчастную Юлю, мама которой работала продавщицей в магазине за домом, где с заднего хода часто слышался пьяный ржач и повизгивания, сопровождавшие общение с грузчиками.

Как-то Даша отдала Юле пёстрый плотный жакетик до талии, из которого выросла. По идее, этот радужный предмет одежды был хорош на младшую сестру, но Алевтина наотрез отказалась его даже примерить, поскольку он ей казался чересчур аляповатым.

Но глаза Юли, когда она увидела добротную фирменную вещь! В то лето девочка donaшивала обвислое чёрное платье, липшее к ногам, и раздавленные долгожительством чёрные босоножечки. Издалека жакетик очень подходил, но вблизи контраст был велик. Однако Юля носила его с радостью и даже не по погоде – тогда, когда в нём было жарко.

Денис рассказывал, как весь подъезд слушал вопли Юлиной мамы на тему «побирушки и проститутки, которой дают подачки, а она и рада». Потом женщина вроде успокоилась и завелась по поводу того, что «мало дали, могли бы и больше,

не обеднели бы!»

На следующий год, собираясь к бабушке, Даша с Алей, не стовариваясь, отложили две стопки одежды – для Юли.

– Я бы и раньше так делала, – оправдывалась Аля, – но я не знала, подойдёт ли по размеру, да и возьмёт ли она. Я бы ни за что не взяла.

Но нищета, идущая от предков, раздавит всякое внутреннее благородство, как старые босоножки. Алевтина тогда ещё этого не понимала. Между встречами с Бердянском девочка забывала, что существует такая бедная одежда и такая скромная жизнь, однако провинция ей об этом регулярно, каждое лето, напоминала.

Ей всё казалось, что она чем-то виновата перед Бердянском и всеми людьми, что живут небогато. Вызывая в приморских душах зависть, она не гордилась своим социальным статусом, а стыдилась его. Позже она прочувствовала на себе формулу: количество и качество труда, осуществлённого вовремя, равняется благосостоянию.

То есть:

(количество труда + качество труда) × нужное время = благосостояние.

И узнала, что если бы каждый человек работал так, как её папа, то бедных показывали бы в музее естественной (или неестественной) истории рядом с реликтовыми динозаврами. Никогда, ни разу Алевтина не встретила исключений из этого простого правила. Напротив, она знала немало людей,

которые изменили свою жизнь всего за год настоящего труда. Они просто пахали триста дней из трёхсот шестидесяти пяти. Иными словами, если шесть дней в неделю трудиться от зари до зари в нужном направлении, то через год достигнешь даже больше того, о чём мечтал, превзойдёшь себя. Эта формула работала на всех, кого встречала Аля. Но тогда юной москвичке казалось, что если она составит супружеское счастье мальчика Дениса, который её так любит и так о ней заботится, то она будто извинится перед бедными бердянцами за всех процветающих москвичей.

Обычно стесняются неблагополучной семьи, Алевтина же испытывала неловкость из-за преуспевания своих родных. Много позже девочка поняла, что ни плохой, ни хорошей семьи не стоит стыдиться, если сам человек что-то из себя представляет. Ещё много чего осозналось потом, когда Бердянск остался далеко в прошлом.

Как-то, выходя из магазина, Аля заметила неприятный долгий взгляд, которым её проводила компания Серёги Курткина. Они стояли над сваленными в кучу велосипедами, курили, матерились, смеялись над анекдотами, но вдруг смолкли, когда Алевтина на секунду замерла на границе между прохладой магазина и душным слепящим днём. Таких тяжёлых долгих взглядов было множество. Их замечала и Даша. Всякий раз, когда девочки шли по улице без Дениса, около них притормаживал то один, то другой велосипед, и кто-нибудь из курткинских в упор их разглядывал. Будто на

общей сходке они что-то решили и, видя сестёр, вспоминали об этом решении и раздумывали: осуществлять его или не стоит? Мурашки шли от этих взглядов, и только Мур мог от них защитить.

Лишь в последний свой приезд Аля случайно узнала, как важно для неё было числиться девушкой Дениса в глазах местной шантрапы. Им всё равно было, чья она дочь – Москва казалась нереально далёкой, и потому не пугала, а вот Мур мог топнуть лапой и махнуть хвостом так, что мало не показалось бы. А мог кликнуть клич и собрать целую велосипедную армаду. Так что Аля, а с нею вместе и Даша, находились под негласной защитой Дениса и его компании.

Все бердянские месяцы Аля проживала в эйфории, до неё даже не доходили слухи о том, что где-то кто-то обидел какую-то девочку – Денис старался не омрачать Алины лета грустными историями. И авторитета Мура как раз хватало на то, чтобы Аля могла без опаски ходить по городу.

Вот об этом папа ничего не знал. Он был уверен, что его имя защитит дочерей и на нешироких улочках Бердянска. Но есть дорожки, где царят велосипеды, а не внедорожники...

Набережная постепенно пустела.

Алевтина стояла у парапета и дышала глубоко и медленно, вглядываясь в закат. Замкнув руки под грудью, она будто поддерживала собственное сердце, которому нелегко при-

шло в последние дни. Для него, для сердца, после бешеных болезненных толчков, настал период апатии и почти покоя. Иногда его совсем не было слышно, и тогда Алевтина определяла, что её мотор ещё живёт, только по факту своего существования: она двигалась, дышала, над ней не плакали, значит, мышца работает. Но временами сердце несильно, но тупо напоминало о себе глубокой неискоренённой болью, будто говоря: не забывай, я здесь, внутри, и мне всё ещё очень плохо. И думалось, что сердце начинает барахлить не от возраста, а от износа: аккуратно с ним обращались или издевались; трепетали над ним или трепали...

– Девушка, я тут остановился на закат посмотреть, но залюбовался вами: вы красивее заката...

Это кто-то сказал. Кажется, за левым плечом. Не дьявол, конечно, а парень – остановился рядом и ждёт реакции. Волна отсчитывала мгновенья, шлёпая мокрой тряпкой по скользкому зелёному камню, и Алевтина знала, что если не отреагирует через пару волн, будет просто невежливо, а парню обидно за зря потраченный комплимент. Но ей не хотелось отвечать. И даже глянуть на парня – а вдруг симпатичный? – не было желания.

Та, что красивее заката, всё так же смотрела на оранжевое над маяком солнце, и теперь, в такт морю, ощутила лёгкие покалывания где-то глубоко, за левой грудью, будто сердцу обидно стало за зелёный камень, что хлещет мокрая тряпка волны.

– Пойдём, – парня одёрнул друг и потянул за локоть дальше. – Странная она какая-то, на своей волне. Такой комплимент пропал!

Алевтина усмехнулась и прошептала:

– Я красивее рассвета...

И двинулась вдоль парапета, увеличивая расстояние до молодых людей, взвешивающих свежие и испорченные комплименты. Почему люди так предсказуемы? И почему, порой, так трудно предугадать их порывы и поступки?

Они встречали рассветы. Это можно было делать вдвоём. А провожать закаты всегда находилось много желающих, и это исключало интимность действия и рассеивало волшбу.

Особенно ей запомнилось их последнее, самое взрослое лето, которое они с Денисом провели полностью вдвоём, уже без всякой визжащей вокруг малышни.

В тот год Дашка с головой и всеми другими частями тела погрузилась в личную жизнь, а братьев с Дальнего Востока не привезли. Только шестнадцатилетняя Аля радовала бабушкино лето, хотя и проводила дома не так уж много времени. Дни были заняты общением с Денисом, и обычно они виделись трижды за день.

...Они встречали рассветы – нежаркие, скромные, нежные. Уезжали на велосипеде за дамбу или выходили к ближайшему морю. Был найден час, когда людей там не было совсем. Один спортивный дедушка маячил красной майкой. Но дедушка, сопя, пробежал мимо, и казалось им – они одни. Если

стоять, обнявшись, смотреть на море и молчать, то будто за спиной дома не спят, не ждут нападок солнца злого. Как будто мир весь их, и вся планета – лишь пляж, и море, и песок... И смуглый дедушка в трусах и майке красных. Да ладно, бог с ним, с дедушкой! Они его почти пустили на своё необитаемое побережье. Вот эти звонкие минуты тишины и сцепка рук – вот чего ради они так рано просыпались: чтобы побыть вдвоём. Купаться не купались. Аля намеренно не надевала пляжного. Её любимый белый сарафан светился супернежно при пастельном солнце. Как хорошо, наверное, смотрелась там издали на тонкой талии девичьей, Дениса загорелая рука. И так хотелось, чтобы он её чуть опустил! Но он не опускал. Ничем, ничуть не сдвинул Алю с пьедестала. Кто ж ведаёт, о чём мечтает недотрога?

Аля любила их рассветы и часто думала, какими будут их утра, когда одни с Денисом будут вместе. Совсем-совсем вместе.

Потом, сонные и прохладные, они возвращались домой. Алевтина шла досыпать, а бабушка только качала головой, видя мечтательную деву в белом, и приглушённо громыхла за закрытой дверью кухни, чтоб не тревожить сон единственной на то лето внучки. Проснувшись, Алевтина обедала, рассеянно, едва участвуя в разговоре с бабушкой, потом заходил Денис, и они шли купаться. А вечером, накидывая кофту для длительной прогулки допоздна, Аля мечтала, когда же он сорвёт и кофту эту, и платье, и её с пьедестала, на

который сам поставил.

Засыпая после насыщенного Денисом дня, Аля вдруг вспоминала, что сегодня снова почти не общалась с бабушкой. Точнее, в те несколько часов, что она бывала дома, бабушка не успевала поговорить, потому что любимая внучка или спала, или прихорашивалась, или мечтательно улыбалась, поедая бабушкины обеды и ужины. Тогда Аля решала, что завтра они с бабушкой обязательно пойдут на пляж, когда солнце немного спадёт. Внучка, как и раньше, будет нести складной стульчик, а бабушка снова станет жаловаться на большие веснушки, что обсыпают кожу, прячась от солнца или нет. И у них – у бабушки и внучки – будет вдоволь времени, чтобы обо всём поговорить.

Но завтра встречало Денисом и рассветом, и Аля забывала о своём мысленном обещании. Ощущение того, что она теряет что-то очень важное, снова навещало перед сном, но девочка отмахивалась и засыпала. Какой серьёзности в шестнадцать ждать?

Ни родители, ни сестра не чувствовали связи с Бердянском. Бабушка – да, но не сам городок, и даже не море. Алевтина же росла как бы между Москвой и Бердянском, где была не только бабушка с морем, но и Денис с любовью. И в школе, и в университете она отвергала кавалеров, всегда очень приличных. Бердянский принц входил в планы московской принцессы так же естественно, как и бабушка, и Аля ни разу не задумалась о возможной семье с другим человеком. Она

чувствовала, что место партнёра для жизни в ней уже занято. Так редко бывает, но им с Денисом просто повезло. Одно время Алевтина даже всерьёз собиралась перебраться в Бердянск – то ли от мегаполиса устала, то ли от опеки родителей, то ли к бабушке хотелось поближе быть и ещё что-то успеть ей дать, а не только взять. Скорее всего и то, и другое, и третье.

Так думала Алевтина до самого несчастья с бабушкой, неожиданного для всех.

На похоронах Денис вёл себя безупречно. Помогал с организацией, не отходил от Али, ей всегда было, в чьи руки упасть в обморок. Но обморок тогда не случился, хотя много раз она была на грани. Тогда слёзы спасли – через них вылилось всё горе. Тогда она выплакала себя всю – досуха, допуста. Слёзы помогли. Где же они сейчас? Какой день? Четвёртый? Десятый? Алевтина потерялась во времени. Нет, только пятый день после всего, а слёз не было.

Аля собиралась в августе, после поступления, погостить месяц у бабушки, и как раз в этот месяц, она решила, всё и должно произойти. Она уже считала себя достаточно взрослой и готовой к серьёзным отношениям, к тому же думала, что своим примерным поведением заслужила Дениса и всё то, что он мог ей дать.

Но бабушка умерла, и Аля долго страдала, не вспоминая больше ни о чём.

Потом была учёба и только. Алевтина немного отошла от

траура и решила отложить торжественное вручение себя Денису на лето. Как раз после первого курса, уже восемнадцатилетней, это было бы уж совсем хорошо и правильно.

Но вдруг непонятно всё стало между Россией и Украиной, и папа решил продать бабушкину квартиру. Не оттого, что в средствах нуждались, а просто ухаживать за квартирой было некому, а заграничные курорты стали такими доступными и так хорошо себя зарекомендовали. Опустевшее жильё продали, не спросив у Алевтины, а саму Алю отправили в Карловы Вары, а не в Бердянск. Пришлось снова отложить день собственной капитуляции на неопределённое время. Алевтина нырнула во второй курс с головой – учёба оказалась ещё более серьёзной и захватывающей, чем на первом. Денис писал, звонил, обещал приехать на Новый Год, но Аля улетела с родителями в Финляндию на лыжах покататься. Денис собирался на майские праздники в Москву, но снова что-то не получилось...

Где-то совсем близко за спиной мелькнуло большое белое тело.

Машина! – пронеслось в голове Алевтины.

Будто из-за бетонной стены донеслась ругань перепугавшегося водителя.

Да что такое! Уже второй раз! И вчера машина чуть не сбила.

Алевтина сама была водителем со стажем – треть жизни за рулём, поэтому старалась не позволять себе некорректно-

го поведения на дороге. Ей тоже периодически кидались под колеса всякие идиоты и идиотки, и она знала, как это страшно. Как минимум день после этого испорчен: содрогаешься от воспоминаний и мыслей типа «а что, если бы на долю секунды» и боишься сесть за руль. И вот теперь Аля сама в роли такой кидающейся под колёса курицы. Прости, дорога!

Идиотка! Как могла оказаться в такой ситуации?

Но это оттого, что её предали. Предали так, что, казалось, ничего не осталось здесь, в этом мире, за что можно было бы уцепиться и держаться всеми силами души и напряжением мышц.

Время от времени она замирала, застывая в самом необычном месте в нелепой позе, и ловила себя на мысли, что вот сейчас настал момент, в который она может просто исчезнуть, раствориться, испариться, уйти, переместиться в другой мир. Ведь известны случаи – об этом пишут, говорят и даже кино снимают, – когда люди бесследно исчезали поодиночке и целыми селениями или военными отрядами. Почему бы нет? Почему бы не исчезнуть и ей? И неважно, где оказаться – хоть в жерле вулкана или в пасти дракона, главное, чтобы подальше от этого мира, такого неожиданно подлого.

Но мир держит цепко. Але за него цепляться незачем и нечем, а он вцепился и держит. Вот бы отсюда – в иное время, в другое измерение, в далёкую галактику. С такими же душами неприкаянными познакомиться, которые так же ко-

гда-то сбежать хотели и сбежали. Интересно, они жалеют или нет?

Нет, всё-таки ощущение разверстой пасти никак не пропало. Какой-то зев находился рядом, и Алю тянуло в него. Она чувствовала его – тянущее это – то сильнее, то слабее, иногда казалось, что стоит ей поддаться, только дать понять, что согласна, и её затянет, но вот только куда – в пасть дракона или под колесо автомобиля? И она старалась держаться: тот, кто за рулём, не виноват и не должен отвечать за неё и за *него*.

Можно, конечно, взять и уехать. Есть прямой поезд «Бердянск-Москва», но на него билеты раскуплены на месяц вперёд. Можно до ближайшего аэропорта автобусом, потом – самолётом до Москвы. Такие-то билеты точно есть. Но нельзя в таком виде дома появляться, там всё поймут, начнут сочувствием доставать. Фу! Нет! Нужно сначала успокоиться, прийти в себя.

– Ну, чего я так расстроилась? Ну, подумаешь, негодяй встретился! Женщины сплошь и рядом в таких мерзавцев влипают! Ещё и детей им рожают, и годами терпят. Так что это не самый плохой вариант.

Она всё пыталась успокоить сама себя, периодически пронося краткие монологи вслух. Просто для Алевтины и такое разочарование было страшным, ведь раньше никто не осмеливался *так* с нею поступить. После смерти бабушки это были её самые глубокие душевные переживания.

Внешне ей быстро удалось привести себя в порядок. Сначала не спала, не ела, потом стала жить. Механически. Начала отсчитывать секунды, минуты, шаги: сколько раз чай помешивает, сколько остановок до пляжа, сколько гребков в море сделала, через сколько волн перепрыгнула. Наверняка это ещё одна защитная реакция организма: постоянное напоминание о том, что секунды капают, время идёт, жизнь продолжается, и с каждым гребком Аля отдаляется от случившегося всё дальше.

Сжившись с образом обычной отдыхающей, гостя раздавала хозяевам психологические советы и консультации. Бескорыстно, от щедрости душевной. Она даже рассказала о приёмах самообучения английскому дочке хозяйки. Студентка кое-что законспектировала. Но будет ли толк? Вряд ли. Провинциалы обычно считают, что у них в жизни всё бы получилось, живи они в столице. Как будто у всех столичных жителей выходит всё, и в Москве не мёрзнут на рынках коренные москвичи! Мёрзнут, ещё как. И дворы метут, и мясом мороженым торгуют. В их нереализованности тогда кто виноват? Не провинцию надо винить, а собственную бесхарактерность. Столицы традиционно распахнуты для всех желающих – растягиваются до бесконечности. У их семьи было много знакомых, всего достигших, как и папа, только за *одну* жизнь в столице.

Перед сном наставало время сеанса психотерапии. Измученная самоконтролем, она доставала тетради, и одной отда-

вала то, что накопилось, из другой же, напротив, черпала запас сил. Похоже, позитивная психология уже давала эффект.

Жаль, что не взяла с собой лэптоп. Удобнее было бы писать. Хотя нет. Такое нужно делать вручную. Есть вещи, которые нельзя автоматизировать и тем самым умертвить. Нет, только вживую.

Я полностью свободна от прошлого.

Я знаю, чего я стою. Всё при мне.

Всё разрешится само собой наилучшим образом.

Всё идёт хорошо.

На беззвученном экране телевизора появилась Тамара Гвердцители. Алевтина включила звук.

Ах, далеко до неба!

Губы близки во тьме.

Бог! Не суди, ты не был

Женщиной на земле.

Умеет всё-таки эта женщина петь то, что хочется услышать.

И душу исцелять голосом, дрожащим на кончиках ресниц.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Как Алевтина позабыла Дениса? Примерно так же, как все забывают свои первые любви. Она много раз пыталась вспомнить день, когда это произошло, но не могла. Зато точно помнила год: это был год появления в её жизни будущего мужа.

Как-то очень скоро он занял сначала всё свободное место в жизни Алевтины, затем место Дениса. Он был всюду и всегда. Любая проблема или проблемка, заглядывавшая в отлаженную жизнь Али, истаивала с его появлением или просто по одному звонку. В какой-то момент на девять мыслей о мужчине, что всегда рядом, приходила только одна о Денисе, а затем и та перестала навещать, и Алевтина решила, что она влюбилась по-настоящему, а значит, и замуж пора.

Но за три года отношения с мужем зашли в какой-то непонятный тупик, и вот как-то Але было нечего делать, и она почти машинально, обдумывая грядущий развод с мужем, поменяла фамилию в «Одноклассниках» на свою девичью. Нечего пудрить мозги и терзать сердце такому хорошему парню, пусть ищет женщину, способную полюбить его достоинства, у меня ведь всё равно голова другим занята, думала Аля. Заглянула на сайт через неделю, а там – сообщение от Дениса. Нашёлся Тот, кем голова занята. И всё ожило с их первого часа разговора в обеденный перерыв – оба это по-

чувствовали.

– Мама сегодня звонила. Я ей рассказал, что нашёл тебя.

– Ну, и как она отреагировала?

Неожиданно хорошо отреагировала.

– *Мам, а я Алевтину нашёл.*

– *Ну, слава богу, хоть кто-то кого-то нашёл! А почему ты ещё не в Москве?*

– *Ну...*

– *Она замужем?*

– *Разводится, как и я.*

– *Дети есть?*

– *Нет.*

– *Я к тому, что никуда ты там не встряёшь? Семью не разбиваешь?*

– *Нет.*

– *Так почему ты ещё не в Москве?..*

Сначала Денис действительно хотел всё бросить и рвануть к Алевтине. Но потом они решили, что лучше будет провести вместе отпуск. Несколько дней в Москве получились бы сумбурными и неуклюжими, и могли всё испортить, а вот две-три недели летом – это было бы великолепно! Назначили время отпуска. Вышло, что увидятся они ровно 14 июля, в День взятия Бастилии, как показывал Алин рабочий календарь. Посмеялись по этому поводу и стали готовиться к поездке.

Алевтина подсчитала, что с момента её обнаружения Де-

нисом в социальной сети до Дня «Х» ровно восемьдесят дней. «Восемьдесят дней вокруг... да около» – именно так она окрестила этот период. Ну, что ж. Достаточный срок, чтобы прояснить многие вещи *до того, как*.

И начались эти сумасшедшие дни. Многое нужно было только припомнить, на что-то лишь намекнуть – и воспоминания с эмоциями захлёстывали обоих: им было что вспомнить.

Но Але приходилось жить от звонка до звонка, у неё не было возможности выговориться кому-нибудь. Дашка – её лучшая в мире подруга и сестра – фыркнула сразу же, как только услышала об объявившемся в виртуале Денисе:

– Ха! Только этого ещё не хватало! Явление с Христом на шее!

Даша не выносила Дениса и считала показушным большой серебряный крест на массивной цепочке, который тот не снимал лет с пятнадцати. Денис регулярно, несколько раз в году, освящал крест в церкви. «С Христом за пазухой как-то спокойнее», – говаривал он.

Не было ничего удивительного в том, что сестра недолюбливала бердянского ухажёра Али: Даша ещё в детстве нарисовала портрет мужчины, с которым младшенькой будет комфортно, и видела сестричку только с таким человеком. В этом они с папой как раз единокорны: придумали Але идеальную пару и обрадовались. А если они ошибаются, и именно Денис её идеальный партнёр? Алевтина знала, что только

мама может поддержать её выбор, но пока ей ничего не говорила. В общем, на полное одобрение семьи рассчитывать не приходилось, и Аля окунулась в свой виртуальный роман сама, будто смело и никому не сказав, уплыла в открытое море.

Как героиня виртуальной лав-стори, Аля бережно вслушивалась во всё, что с нею происходит, и не могла понять, где больше чего роится, теплится и нежится – в голове, в душе или в теле. Кажется, в каждой клеточке всего естества что-то появилось: сколько клеточек, столько и мыслей, впечатлений, запечатлений, вспышек, фантазий и мечтаний.

За несколько дней они с Денисом многое успели сказать друг другу. И это при том, что всё время приходилось притормаживать и обходиться без самых главных слов.

Теперь утро начиналось не с будильника, а со звонка Дениса, у которого рабочий день на заводе стартовал в семь. Давно Алю так сладко никто не будил.

– Доброе утро, Солнышко!

– Доброе утро!

– Как спалось?

– Хорошо-о-о.

– Ой, а кто там зевает? Встаём, встаём, кому там на работку пора?

– Мне-е-е.

– И мне. Я уже почти пришёл. А что нам снилось сегодня?

– Нам? Кажется, ничего. Не помню. А тебе?

– А мне интересный сон приснился – символический. Мы

с тобой ходили по ювелирному – огромный такой магазин, у нас здесь таких больших нет – и кольца выбирали.

– Ничего себе!

– Наоборот! Всё только себе! Всё себе. Надо так говорить, чтобы не отвадить от себя хорошее.

– Не думала, что ты интересуешься правильными формулировками мыслей. Ой, вспомнила, что мне снилось! Тоже покупки, только другие. Мы сначала с тобой ходили по бутикам и выбирали мне сапожки.

– И какие выбрали?

– Красные, яркие, высокие такие, у меня таких ещё не было. И, представь себе, тебе при этом не было скучно! А потом мы ходили по авторынку и покупали запчасти для машины.

– Для какой?

– Будешь смеяться. Для красной «Мазды», той, что ты мне в Интернете показывал.

– Отлично! У нас машина под цвет сапожек.

– Не это не главное. Главное то, что мне тоже не было скучно!

– Хороший сон. Тоже символический. Ну, ладно, Аленький, просыпайтесь, собирайтесь, а я уже дошёл до офиса, надо поработать немножко. Давай, как разгребусь с кучкой текучки – позвоню.

Денис выставил на продажу свой «Опель», демонстрировал Алевтине в Сети десяток фоток, а сам подыскивал себе новую машину, «нестыдную». Накануне показал Але крас-

ленькую «маздохку». Алевтина пока не стала разочаровываться тем, что понятие «нестыдная машина» у неё (и у столицы) сильно отличается от Денисового (и бердянского). В общем, для начала сойдёт, а там посмотрим, решила про себя.

Во время вечернего разговора снова всплыла «машинная» тема. Видно, Близнецы в знаке Водителя катались в тот день.

– Ну-ка, постой. Мне звонят. Номер незнакомый. Я перезвоню, – сказал вдруг Денис и отключился. Через минуту снова набрал Алевтину.

– Хохму хочешь?

– Ну?

– Звонок. Полдвенадцатого вечера, между прочим. Цитирую дословно: «Здравствуйте, вы «Опеля» продаёте? – Продаём. – А вы не спите? – Нет, «Опеля» продаём». Короче, мужик такой загадочный, по объявлению, во времени потерялся. Завтра перезвонит.

Когда после смерти бабушки связь с Бердянском оборвалась, и на Азовье ездить перестали, Денис ещё писал и даже звонил время от времени с работы отца, но как-то изошёл энтузиазмом и занялся обустройством личной жизни по месту проживания.

– А я всё время искал тебя в «Одноклассниках». А тебя нет. Думал, ну, не может такого быть, чтобы ты в какой-нибудь социальной сети не зарегистрировалась! Сейчас все через это проходят.

– А я под фамилией мужа была. Потом, когда решила раз-

водиться, поменяла. А почему ты мне просто не позвонил и не написал на родительский адрес?

Вопрос этот хотелось задать тысячу раз: почему? Ну, ладно, он не мог знать адрес Алиной квартиры, но родители ведь место жительства не меняли, точнее, со временем папа приобрёл дом в Подмосковье, и много времени они с мамой проводили там, но городская квартира никуда ведь не делась.

– Ну... Как бы я позвонил? Я же не знал, как ты там. Может, у тебя уже куча детей и всё хорошо, а тут я со своей любовью неприкаянной. К тому же, если бы я на папу нарвался... «Одноклассники» показались удобнее. А у нас с тобой модные профессии – юрист и менеджер. Я и не думал, честно говоря, что ты менеджером станешь. Тебе бы пошло что-нибудь другое: модельный бизнес, визаж-макияж, дизайн одежды, языки на худой конец.

– А я тебя как раз юристом и видела. Есть в тебе что-то для этой работы. Вот, например, как ты сейчас тему разговора сменил.

– Ага, – хмыкнул Денис. – Юрист до мозга костей. Как в том анекдоте: «Но вы же человек!» – «Едва ли. Я юрист».

– Постой. Эт-ты мне зачем рассказываешь? Чтобы я от тебя большой человечности не ожидала?

– Нет, что ты! К тебе это не относится. И никогда не будет относиться. Просто невозможно со всеми быть белым и пушистым. Только с избранными.

– А с остальными – чёрным и гладкошёрстным?

– Ага! – рассмеялся юрист до мозга костей. – Нет, серьёзно. Я не думал, что у тебя будет такое образование. Считал, ты пойдёшь если не в дизайн, то на филологический, что-нибудь с языками связанное... Ты же немецкий с английским всё детство учила, да?

Учила. Точнее, один язык учила, другой мучила – не шёл. Но папа сказал: «надо», и Аля учила. Кажется, Марлен Дитрих считала, что единственное насилие над своим детством, которое дети простят родителям – это изучение иностранных языков. И Алевтина выучила. Дашка – нет, Аля – да. Хотя усилия, приложенные со стороны родителей и репетиторов, были одинаковыми. Правда, теперь, спустя годы, она бы подкорректировала педагогическое рвение взрослых: не стоит заставлять учить язык, который не нравится и «не идёт», ведь всегда можно найти те, что «пойдут».

– Нет, на языки и психологию меня папа не пустил, сказал, что это всё прикладное, а образование должно быть «настоящим», а не игрушечным. Ну, вот моё образование и сделало из меня босса. Сразу. В двадцать два года я уже была готовой начальницей. Хотя дома меня до сих пор психологом кличут.

Смешно, но всё было задумано всерьёз. И если бы не папин подарок в виде фирмы, бегала бы Алевтина где-нибудь после университета казачком на подхвате, пытаюсь доказать, что она достойна быть начальницей.

Их всё время относил одной волной обратно в детство,

туда, где у них всё было общим.

– А там, на скамейке у твоего подъезда, ножом вырезано «Алевтина». Ты видела?

Конечно, видела. И всякий раз, проходя мимо лавочки, ненароком бросала взгляд на неровные, но очень уверенные буквы. И огорчалась, если чья-то филейная часть закрывала надпись, которая была символом какого-то постоянства, эмоциональной верности, что ли. Алевтине обязательно нужно было отыскать своё вросшее в дерево имя и зацепиться за него взглядом.

И вспомнить.

И поверить.

И ждать чего-то.

Даже когда лавочку стали ретиво красить синей краской, щедро замазывая на деревянной доске трещины, зазубрины и царапины, «Алевтина» оставалась видна, правда, тускнела и мельчала с каждым годом. Сначала исчезла маленькая «а», потом утонули в краске и другие буквы, осталось только «Але»; но во дворе все знали, чьё имя запечатлено на лавке, и кто его выцарапал.

– А я себе Домовёнка завёл.

– В каком смысле?

– Комнату сдаю, а за это мне готовят и убирают. Воспитательница детского сада.

– Денис, ну, так бы и сказал: любовница. Что здесь такого?

– Нет! Хотя она там себе что-то напридумывала, но это

её проблемы.

– И где ж ты её нашёл? На дискотеке?

– Нет. Знакомые попросили. Она из деревни сама, семьдесят километров от Бердянска, а жить негде. Зарплаты снимать не хватает, а мне так удобно: в квартире чисто, в холодильнике – еда.

– И сколько лет твоему Домовёнку?

– Лет двадцать два или три. Где-то так.

Ясно. Не хочет называть домовят своими именами. Ну, ладно. Почему-то наличие конкурентки Алевтину совсем не настораживало. Она привыкла, что там, в Бердянске, у неё соперниц в принципе быть не может. На данном этапе надо только посмотреть, как Дэн разберётся с этой ситуацией.

Теперь всё – прошлое, настоящее и будущее – принадлежало им, и они обсуждали каждую мелочь, о которой когда-либо хотелось поговорить, да не пришлось.

– Сегодня на турничок зашёл – форму надо восстанавливать, а то обленился совсем.

Накануне, разговаривая с Алевтиной, Денис заметил, что у него на животе складка наметилась, поэтому срочным образом задействовался турник.

– Представляешь, приходит мужик в камуфляже и начинает подъёмы переворотом делать. А там на лавочке пацанва местная водочку пьёт, курит, музыку на телефоне слушает. Так они затихли и смотрят на меня. Ну, я минут десять позанимался для начала, несколько подходов сделал. Уходя,

оглянулся, смотрю, а они друг друга на турник подсаживают.

– Вот видишь, как ты на молодёжь хорошо влияешь! Может, они ещё и пить бросят.

Бросили. Ненадолго. На следующий день у них водки уже не было, только пиво. И когда Денис подошёл заниматься, шпанята спросили, долго ли он будет турник занимать, а то он им тоже нужен. Ещё через день исчезло пиво. А через неделю снова появилось пиво, а за ним водка, и турник им уже без надобности. Права Госпожа Психология: если изменение начинается извне, а не изнутри, оно только поверхность затрагивает, и надолго его не хватает. Мудрая она всё-таки Дама.

– У нас будет равноправие, – слушала Алевтина мурлыканье Дениса по телефону. – Мы будем всё друг другу рассказывать и решать сообща.

А разве бывает по-другому? Аля не знала иных отношений между мужчиной и женщиной, и папа с мамой, и её личный опыт это показывали.

– А то я уже наелся вдоволь бойкотов непонятно по какому поводу. То маты семиэтажные, то молчит, как воды в рот набравши. А семью вдвоём надо строить, не бывает в одни ворота.

Это как раз ясно. И откуда такие взгляды тоже понятно. Родители Дениса всю жизнь живут слаженно, без эксцессов; даже обвенчались несколько лет назад. Только вот у сына что-то ничего не получается, несмотря на правильные взгля-

ды. Может, не во взглядах дело? Посмотрим.

– А теперь ты на что рассчитываешь? – осторожно спросила Аля.

– Я рассчитываю на брак по любви.

– А до этого у тебя что было?

– До этого?.. Дурость была несусветная, вот что!

Денис стал потихоньку рассказывать о своей бывшей жене.

– А мне вообще заявили, что я все эти годы не удовлетворял её как мужчина.

– Ну, надеюсь, ты не принял это на свой счёт? Это она со зла.

– Конечно, нет! Всех удовлетворял, а её – нет. Как в анекдоте.

– В каком?

– Судья спрашивает супругу о причине развода. Та отвечает:

«Понимаете, Ваша Честь! Мой муж меня не удовлетворяет как мужчина».

Женские смешки с последнего ряда:

«Надо же! Всех удовлетворяет, а её – нет!»

– Ну-ка, ну-ка. Это в каком смысле ты всех удовлетворял?

– Нет-нет, что ты! То, что было до и после. Не во время брака...

Алевтина выдохнула, кажется, с облегчением.

– Как же тебя огордило жениться на такой? Любовь

большая, что ли?

– Какая там любовь! Дурость, да и только. Сам не знаю. Теперь вздохнула с сочувствием.

– А что, других не было?

– Было много. А запал на эту.

Чуть запнулся, но всё же ответил.

– И что, не видны были червоточины до свадьбы?

Теперь запнулась Алевтина.

– Да всё было видно! Дурак был. Думал, молодая ещё – притрёмся, привыкнем.

Так зачем же ты женился?! Аля не могла такого понять. Как можно сделать предложение человеку, который *уже* не тот, что нужен? Хотел такую-то и такую-то, а женился на такой-то растакой-то. Как так может быть?

Алевтина так и не нашла у мужа ни одной червоточины. И это за пять лет знакомства! Показательно, однако. Недостаток у бывшего мужа был один: он не Денис.

– А родители что говорили, когда ты их с невестой познакомил?

– Родители? А что родители? Она им не понравилась, но сказали, мол, тебе жить, не нам, решай сам.

– Ясно. А ты вспоминал обо мне все эти годы? Хоть иногда?

– Да я на пальцах одной руки могу пересчитать дни, когда я о тебе не вспоминал!!! – Денис прямо выкрикнул, да так, что у Али мурашки по спине побежали. – Это когда напи-

вался до беспамятства.

– А бывало и такое?

– Несколько раз – да. Всяко бывало.

Как быстро он, без раздумий и оттяжек, это крикнул, будто давно хотел сказать:

«Да я на пальцах одной руки могу пересчитать дни, когда я о тебе не вспоминал!»

Выходит, и правда не забывал, думал. Но... Он целовал сотню губ, касался дюжин грудей, проникал в десятки лон. И думал при этом только о ней, об Але? Не может быть! Быть такого не может! А если *да*, то почему ничего не предпринял, чтобы заполучить её?

тогда что за
мазохистское удовольствие —
пить *не те* губы, ласкать *не ту* грудь,
скользить *не в том* лоне
смотреть *не в те* глаза
искать *не ту* улыбку
слушать *не тот* голос
узнавать *не те* шаги
ловить *не тот* вскрик
шептать *не то* имя

зачем всё это?
для чего?
бессмысленно
и глупо

– Я вчера Домовёнка назвал твоим именем.

Значит, Домовёнок теперь обо мне знает, подумала Алевтина. И что дальше?

Она ещё не осознала, что с нею происходит. Ей казалось, что только сейчас перед ней открылась вся жизнь – вся любовь, всё счастье, весь мир, все её мечты. Через несколько месяцев ей предстояло выйти замуж за человека, без которого она не мыслила себя с шести лет. Неужели такое возможно? Интересно, Денис чувствовал то же, или его восприятие всё-таки иное? А может, он так и задумал, и к этому шёл? Восемьдесят дней или двадцать один год?

А ведь они оба десять лет назад не были такими людьми, как сейчас. Тем более пятнадцать лет назад. И даже год. Так, может быть, всё у них вовремя получается?

– А знаешь, сколько раз я мечтала переехать в Бердянск, и чтобы мы с тобой в одной школе учились.

– Да ну-у! Ни в коем случае!

– Почему?

– Ты бы посмотрела на меня тогда и сказала: зачем мне такой безбашенный крышетёк нужен!

– У тебя что, плохая репутация в школе была?

– Ну, не то чтобы плохая, но и не очень хорошая.

– Но ты же почти отличником был!

– А поведение? Хулиган, бунтарь, прогульщик. Нет. Тебе точно не надо было знать меня в школе.

Денис задумался и надолго замолчал. Потом вдруг выдохнул:

– Знаешь, я, наверное, к тебе прикоснуться не посмею Ты мой талисманчик из детства...

Аля вспыхнула вся, невидимая ему:

– Это ты мой ТалисМальчик...

– Как? ТалисМальчик? А классно звучит!

– Да. Классно. Знаешь, Денёк, когда люди так долго не виделись, они отвыкают друг от друга энергетически, и нужно время, чтобы заново привыкнуть.

– Приручим мы одичавшую энергетику, не переживай! Сколько надо будет, столько и будем приручать.

Аля прерывисто вздохнула, вспомнив ещё об одной мысли, что не давала покоя в последние дни:

– А говорят, первая любовь всегда несчастная.

– А мы никому не скажем, что у нас первая любовь, – прошептал Денис.

За «Восемьдесят дней вокруг да около» с Алевтиной случилось несколько беззвучных истерик. Она никак не могла поверить в то, что скоро, совсем скоро – через месяц, неделю, три дня – она его увидит. Увидит. До этого только в виртуале, а теперь в реале. Сны сменились виртуалом, явь – реалом. Забавно, однако!

– Алечка! Мне тут пацанчику одному помочь надо после работы. Когда освобожусь – не знаю, так что засыпайте сегодня без меня.

Раз или два в неделю Денису срочно нужно было куда-то уезжать: то он кому-то что-то везёт, то кого-то отвозит прямо ночью. У них там, оказывается, очень ценят всегда трезвого водителя с машиной на ходу. Тогда приходил SMS-отчёт, вроде:

Я уехал в Запорожье, буду утром, заряжу батарею – позвоню. Спокойной ночи. Мур-мур.

Он снова работает спасательным другом. Опять кто-то из его товарищей во что-то вляпался, а он тянет-потянет и вытягивает. И в юности так было. Вот и сейчас Денис что-то там мутит по-мелкому. Точно не говорил, но намекнул, что провинция, мол, вынуждена изворачиваться, потому что у них-де зарплаты маленькие, тем более что он алименты жене платит. Ничего. На нормальной работе мутить не придётся, а в том, что она сможет подыскать Денису хорошую работу, Алевтина не сомневалась.

Теперь же она перелистывала сообщения и сама себя убаюкивала ими.

Д: Мур-мур-мур. Спокойной ночи. Я уже дома, у меня всё ОК. Целую нежно (если ты не против).

А: Я об этом как раз думаю, поэтому не против. Хороших снов, Денис.

Д: Тебе тоже. Мур.

Д: Поужинал слегка, нырнул под душ, готов к отбою, смотрю Задорнова. Желая тебе спокойной ночи, целую ещё

нежнее, чем вчера (раз уж позволено). Мур-мур-мур.

А: Спокойной ночи, Котик. Приснишь мне, ладно?

Д: Я прошу у тебя того же.

Д: Мягкое, нежное мурррррррчание на ушко, ещё более нежный поцелуй в шейку – принимаются на ночь вместо снотворного? Тогда спокойной ночи Вам и сладких, приятных снов. Мур.

Каждый вечер теперь заканчивался звонком и сладкой SMS от Дениса.

Д: Никаких плохих мыслей на ночь, только положительные эмоции – и всё будет замечательно. Я желаю тебе спокойной ночи и хороших-хороших снов. Целую нежно. Мур.

А: Спасибо, Денёк. И тебе хороших снов.

Алевтина вскоре привыкла засыпать только после получения электронных миниатюр.

Д: Море нежных поцелуев, разлившееся по всему телу для спокойствия ночью – это от меня. Спокойной ночи. До завтра. Мур-Амур.

А: Мой нежный, спасибо! Хотела бы я уже десять лет купаться в этом море с тобой.

Им приходилось обходиться без видеосвязи, поскольку дома у Дениса интернета не было. Но зато на работе звучали «Одноклассники». Все восемьдесят дней.

Д: Привет. А я уже здесь был. И даже что-то пытался

писать. Но «в голове моей опилки – да-да-да а также «шумелки, вопелки, сопелки» Короче, в голове ураган и никакой «Эспумизан» от него не спасёт – вот. Мыслей много, склеить их во что-либо суразное не получается. Пишите, звоните. Целую нежно, обнимаю крепко (или наоборот – при встрече определимся, как лучше). Мур.

И комментарии к фоткам – куда ж без них! Денис выложил несколько совсем свежих – специально для Алевтины сфотографировался у машины в гараже. И получил её комментарии.

А: А главная фотка всё-таки обалденная! Ты – секси!

Д: Ну ничего себе. Такого мне, если честно, ещё никто не говорил. Я думал, такое только по отношению к девушкам применяется. Круто, оказывается, фоткаться в робе. Придётся на деле доказывать, что я – секси. Отказаться от этого ты уже не сможешь.

Один раз Денис уехал на выходные куда-то в степи, в деревню, туда, где даже мобильный только с крыши или с дерева ловит. Алевтина рассматривала особо понравившуюся фотографию с самой открытой улыбкой Дениса. Не выдержала и отметилась в «Одноклассниках»:

А: А я тут сизю, скучаю по своему ТалисМальчику из детства. Так непривычно. Целых двое суток без твоего голоса. Скучаююю! Зато теперь у меня есть твоя улыбка, Котик Чеширский! Не вздумай исчезнуть. Улыбка оставляет

неизгладимый след. По нему всегда можно найти.

Поставила фото с «чеширской улыбкой» как обои на телефоне и любовалась всякий раз, когда брала аппаратик в руки. Детство, конечно, но всё же. Денис совершенно не изменился за прошедшие годы, будто их и не было. Та же юношеская улыбка, тот же прищур, делающий лицо притягательно асимметричным.

На второй день своей степной ссылки Денис всё-таки позвонил:

– Ура! Я нашёл тут пригорок, с которого вроде есть немного связи. Замаялся уже. Мужики сидят, бухают, спрашивают, чего я такой грустный и чем мне можно помочь. Я говорю: нет, мужики, с этим вы мне точно не можете.

А утром в Сети ответ на Алино сообщение:

А: Ну, хоть один лучик от Солнышка! Ну хоть словечко! Цветочек Аленький.

Д: Привет, Аленький! (уже целых два слова). Насчёт «своего Талисмальчика» можешь не сомневаться, теперь ты от меня просто так не отделаешься.

И – переписка, переписка, переписка:

А: Погрустила. Сколько ещё осталось до встречи. У меня идея. Мы потом сможем супермашину купить, если издадим роман в смс-ках и переписку в «Одноклассниках». Как ты на это смотришь?

Д: Грустить не нужно – это раз. До встречи осталось

немного – это два. А насчёт «супермашины» – идея смелая, но мне нравится. Позже обсудим. Пока, буду работать. Целую (ой, в рабочее-то время!).

Алевтина перечитывала сообщения Дениса и не переставала поражаться его грамотности – ни одной пропущенной запятой и все буквы на своих местах. При этом правил Денис не знал. Редкий случай врождённой грамотности. Это удивляло Алю с детства, когда она читала письма Мура. Да. Когда-то она регулярно доставала коробочку с письмами из далёкого Бердянска и перечитывала их в месяцы разлуки.

Денису удалось взять Алевтине обратный билет на нужное число. Она могла это сделать по своим каналам из Москвы, несмотря на орудующую там билетную мафию, но решила предоставить такую возможность Денису – уж очень ему хотелось всячески показать свою полезность и состоятельность.

– Денис, ты вообще когда в последний раз сына видел?

– Давно уже. Бывшая трубку не берёт.

– Ну, может, это она раньше не брала, теперь ведь уже время прошло. Позвони, на море их свози, что ли? Уже ведь тепло. Ну, как ты можешь ребёнка не видеть несколько месяцев?

– Ладно, попробую дозвониться.

Алевтина работала автоматически, по накатанной колее, без огонька, без азарта. За весь период виртуального рома-

на, она, как руководитель фирмы, не выдала ни одной свежей идеи, что было необычным, поскольку генератором идей в агентстве, особенно блестящих, была именно Алевтина. Теперь голова руководителя занята Денисом и близящейся поездкой. Подчинённые улыбались и перемигивались, мол, босса влюбилась.

– Работать надоело. Хочу на море! Хочу на кайфовую сторону! Вот. К тебе хочу. Очень хочу.

– Ой, а я-то как работать не хочу! Если бы ты только знала!

– А что так?

– Да достали уже. Такое впечатление, что работает только начальник отдела и его зам, то есть я. Шеф уехал в командировку, так теперь всё на мне, а сотруднички ещё те.

– А что ж вы такую команду себе плохую подобрали?

– Да мы её не подбирали. Один – племянник директора завода, другой – сынуля начальника таможи, третья – чья-то протезучка, только в чулках и маникюре разбирается. А как бумажку какую составить, да что там составить! Готовую заполнить без ошибок не могут! Работнички!

Алевтина уже давно перебирала варианты работы для Дениса в Москве, и пока должность у неё в компании казалась наиболее приемлемой. Если справится, будет очень даже неплохо для начала.

– Я сегодня подписал заявление на отпуск, созвонился с пансионатом, всё заказал, поговорил с родителями, они са-

ми собираются приехать – «знакомиться»; заехал на рынок, купил ребёнку подарок на день рождения, и в ГАИ проблемы порешал.

– Когда всё успел?

– Стараюсь. Надо ж соответствовать!

– Кому? – не поняла Алевтина.

– Тебе и твоей организованности.

– А-а.

Вот как! Мы и вправду прилагаем усилия к совершенствованию себя. Похвально. А то соседка Юля как-то намекнула, что Денис слывёт лентяем-разгильдяем и делает всё под настроение и после дождичка в четверг. Но Алевтине что-то не верилось: уж очень хорошо он всегда был организован во время их встреч.

– Денис, может, не надо пансионата? У тебя можно. На косу ездить будем.

– Нет. Я хочу, чтобы эти две недели мы ни о чём не думали: никакой готовки, никакого быта – только мы и море.

Мы и море. Как в прежние юношеские времена.

– Ну, а родители зачем так сразу? Может, потом как-нибудь.

– Какое «потом»! Только сейчас! Настало время. Папа говорит: «Наконец-то за нашего оболтуса Алевтина возьмётся».

Родители Дениса приезжали в Бердянск на майские праздники, здоровались с тенью Домовёнка (Денис рассказывал,

она потом спрашивала, знают ли о ней родители). Но мама Денису намекнула, что раз приезжает Алевтина, то Домовёнку просто неприлично оставаться в его квартире, и не пора ли ей съехать?

– Я дал Домовёнку две недели на поиск жилья.

Странно, что он сам, без маминых подсказок, не догадался. Ну, ладно. Такие вещи с наскока не решаются. Нужно время. А до поры по вечерам Денис всё так же уходил в гараж или просто гулял по городу, и они разговаривали. Было смешно конспирироваться, но приходилось, пока не съедет квартирантка-домработница-любовница. Чтобы не сильно травмировать психику бедной девочки, которая что-то там себе напридумывала, Денис представил Алевтину своей давней знакомой и психологом, помогающим ему справиться с последствиями разрыва с женой. В общем, закрутил в своём стиле.

– Я не спрашиваю, из-за чего у тебя сыр-бор с женой был. Захочешь – сам расскажешь. Но если ты был в чём виноват, ты выводы сделал?

– Да.

– И уже не повторишь ничего подобного?

– Нет. Нет.

– То есть работа над ошибками проделана.

– Да.

Чётко, кратко, без излишнего словоблудия. Надеюсь, он действительно так думает и всё проанализировал (парал-

тельно размышляла Алевтина).

– Сегодня к Домовёнку подруга пришла. Я сижу ем, а она мне: «А ты что, Денис, на турники ходить начал? Худеешь? Сексом надо больше заниматься, чтобы похудеть». Представляешь? Чтобы мне какие-то малолетки советы давали, что мне делать!

Та-ак. Спать он с ней и правда перестал, значит, не лжёт. Не нужна она ему, выселяет.

– А чем тебя сегодня дома кормили?

Алевтина уже вживалась в роль хлопотливой женщины, а заодно исподволь выясняла кулинарные пристрастия Дениса, которые ей вот-вот придётся удовлетворять.

– Кормили борщом, варениками с картошкой и «Шарлоткой».

– Огооо! Девочка протоптала широкую дорогу к сердцу мужчины! Прямо авеню заасфальтировала.

– Что она там заасфальтировала, меня не интересует.

Нет, он правда меня дурочкой наивной считает? Думает, что я верю в двадцатилетнюю домработницу? Ну, ладно, главное, чтобы спали в разных комнатах до экзорцизма – изгнания нечистой силы из места её обитания, в данном случае из квартиры Дениса.

– Слушай, Денёк! Может, не надо девочку мучить? Оставляем всё, как есть. Живи с ней и дальше.

– Да не живу я с ней! Это она себе что-то напридумывала! Всё. Это была последняя, проверочная удочка, заброшен-

ная Алевтиной в сторону Домовёнка.

– Мне сегодня сон приснился. Будто я сплю, а ты утром подходишь меня будить и по плечу так: «Дэн! Пора вставать!» А я разворачиваюсь так и за руку тебя перехватываю. В общем, просыпаться не хотелось. А турник уже эффект даёт. Не то чтобы мышцы сильно накачались, но как-то крепче я становлюсь, подтянутее, что ли. Представляешь? Бывшая трубку взяла, ты была права! В эту субботу вывожу их на море, а в следующие выходные идём на выставку экзотических животных.

Наконец-то этот день настал, и обряд экзорцизма свершился. Денис помог перевезти Домовёнку вещи на другую квартиру и теперь ликовал, разговаривая с Алей прямо из дому:

– Пум-бурум-бурум-бурурум!.. Пум-бурум-бурум-бурурум!.. Пум-бурум-бурум-бурурум!.. Пум-бурум!..

– Пе-етрику П'я-яточкин! Зараз ти-иха годи-ина, треба спа-ати! – Алевтина в точности повторила голос и интонацию воспитательницы Петрика П'яточкина, пропев фразу из любимого в детстве мультика.

– А я не могу спать! В мене безсоння! – тут же подыграл Денис.

– А ти... А ти, – продолжала Алевтина. – Порахуй домо-вят.

Оба рассмеялись, Денис аж закашлялся:

– Ой, не надо о воспитательницах, а то мне Домовёнок

будет в кошмарах сниться.

– Уже вроде выселил, а всё никак не забудешь.

– Да тараканов у неё в голове немерено, не знаю, что она там себе напридумывала. Не хочу вспоминать лишний раз, тем более на ночь глядя.

– А что с ней не так?

– Да много чего.

– А чего ж ты с ней полгода жил?

– Да я почти сразу хотел её выставить, но она сказала, что её уже бросили два парня, и оба они в тюрьме сидят. И на меня так двусмысленно посмотрела.

– Ух, ты! Коза Ностра какая! Ну, в смысле, Овца Ностра. И ты испугался какого-нибудь её дяди – деревенского участкового?

– Да нет. Просто она уже на тот момент столько обо мне знала...

– Ну, так нечего было хвастаться перед непроверенным человеком.

– Так ото ж. Но я после разрыва с женой был в таком состоянии, чуть не запил.

– В лучших мужских традициях.

– Ага. И Домовёнок так вовремя подвернулась.

– Со своими варениками и стадом тараканов в голове.

– Да. Кстати, надо жалюзи повесить до твоего приезда, чтобы солнышко не будило Солнышко, – замурлыкал Денис, опять-таки по-юридически ловко меняя тему. – И люстру

старую из гаража принести... А кровать у меня широкая, просторная, места много.

Вот Котяра! – усмехнулась Алевтина. Только любовницу столкнул с этой кровати. Котяра...

– А что с люстрой?

– Да бывшая, когда уходила, поснимала люстры в зале и в прихожке, на съёмную квартиру уволокла. А у меня в прихожке сейчас бра у зеркала висит, а в зал надо старую пока повесить. Ой, у меня сейчас пицца подгорит!

– Ты пиццу разогреваешь?

– Ну, да. Еды ведь теперь в холодильнике нет, а сам ещё не успел ничего приготовить. Ты, наверное, такое не ешь.

– Конечно, нет. Никакого фастфуда, никаких липких газировок, да и чай без сахара.

– Да-а. А мы тут по старинке – о здоровье совсем не печёмся.

За такими пустяшными разговорами теперь проходили вечера, но даже эта бытовая дребедень Алевтине нравилась. Она роднила с теперешней жизнью Дениса, приближала их совместное будущее, скрадывала все и всякие расстояния между ними. Алевтина будто примеряла на себя новую роль – жены своего ТалисМальчика.

Даже на работе, записывая что-то, вдруг остановилась и черкнула в углу листа. Получилось очень красиво, особенно переход буквы «А» в «У». Эту подпись она придумала ещё в шестнадцать лет, когда не мыслила себя в будущем ни под

какой другой фамилией. Выходит, у неё уже всё готово для отношений с Денисом. Даже подпись.

– Сегодня на выставке были, но я больше на маленькую обезьянку смотрел, чем на экзотических животных. Малой такой кривляка стал, такие рожицы научился корчить! И так уверенно бегают!

Поездка уже была подробно распланирована. Сначала Алевтина приезжает на пару дней к Денису, затем они едут на десять дней в пансионат, потом приезжают родители для официальной части.

– А мы успеем сфоткаться возле всех достопримечательностей. У нас тут много новых появилось. До пансионата будет время по городу погулять.

Отношения развивались и теплели. Иногда Алевтине казалось, что они уже очень близки с Денисом, и грядущая первая встреча не пугала. Во всяком случае, понимали они друг друга уже очень хорошо.

– Сегодня разговаривал с коллегой.

Денис вот-вот должен был подать заявление на развод, как только сынишке годик исполнится, раньше нельзя.

– Вчера бывшая захотела с малым на ночь остаться, а я их домой отвёз.

– Смотри, а то соблазнит тебя, потом скажет – беременна, – полушутя-полусерьёзно предупредила Алевтина.

– Меня?! Соблазнить?! Это практически невозможно. Я ещё могу, меня – нет. Я уже давно вышел из того возраста,

когда верхняя голова идёт на поводу у нижней. Если верхняя говорит: «Фу!», нижняя даже не рыпнется.

– Слушай, Дэн! А может, всё-таки помирись с женой, а? Ребёнок всё-таки.

Аля заговорила уже без шуток, решив в последний раз поратовать за восстановление Денисовой семьи – вдруг получится.

– Нет, нет и нет! Никаких «помирись»! Меня даже родители уговаривать перестали, а ты всё никак не успокоишься. Я на эту бешеную смотреть не могу. Вытаращится и орёт семиэтажными так, что у соседей уши вянут. Я ей ещё полгода назад сказал: ребёнок – да, общаться буду, не отказываюсь, конечно, а с тобой – только постольку, поскольку ты вместе с малым, как приложение к нему и неизбежное зло. Наглая самоуверенная дура! Так что никаких «помириться». Забудь. Расслабься. Оттуда уже ничего не грозит. Я вообще теперь окончательно подружился с головой. С моей стороны сбоев не будет.

– Знаешь, Дениска, а я по сравнению с тобой такая неопытная получаюсь: за ребёнком не ухаживала, кашу варить, памперсы менять – ничего не умею.

– Я, я всё умею! Не переживай. Научу. Это не так сложно, как кажется.

– А ты к малышу вставал по ночам?

– Конечно. К младенцу надо ночью три раза встать минимум. Потом, конечно, легче.

– Везёт кому-то! У кого-то уже де-ети есть! А у меня до сих пор не-е-ту-у! – почти прохныкала Алевтина.

– Будут-будут! И очень скоро.

– А я часто думала: вот выйду я себе благополучно замуж, а потом встретимся мы где-нибудь случайно, ты увидишь, что у меня семья и всё хорошо, и будешь локотки кусать и мужу моему завидовать.

– Ну, а теперь не получится такой встречи, – перебил Денис, – теперь *у нас* будет всё хорошо.

– Наконец-то.

– ...и пусть другие локотки кусают Я вот сейчас подумал... Ведь у нас с женой самый счастливый период семейной жизни был – месяц сразу после свадьбы.

Мог бы и не говорить, поразила Алевтина. И так ясно. Неужели он таких вещей не понимает?

– Нет-нет! Не то, что ты подумала! – спохватился Денис. – Просто она на следующий день после свадьбы на сессию уехала почти на месяц, а я ремонт в квартире затеял.

Какой ужас! Такое бывает? Ничего себе медовый месяц! Если бы не перспектива Дениса, Алевтина вот прямо сейчас пересмотрела бы свою семейную жизнь, ведь её Мальдивское диво просто незабываемо.

– Знаешь, Денис, а мне несколько лет назад один яркий сон приснился. Про тебя. И, по-моему, очень символический.

– Ну-ка, ну-ка.

– Слушай. Поздний-поздний вечер. Широкая улица, за-

литая фонарями, уходит в темноту и слегка вниз. По обеим сторонам – обувные магазины, ярко так освещённые изнутри. Нет, левый ряд сильно освещён, а правый тусклый, в полутьме.

– Обувь вообще-то к выбору спутника жизни снится, насколько я слышал, – вставил Денис.

– Да-да. Представь себе: целая улица обувных магазинов. Ты идёшь несколько впереди меня в каком-то длинном чёрном плаще.

– О! Никогда такого не носил.

– Ну и что, это ж сон! Ты идёшь довольно торопливо и заглядываешь почти в каждый магазин, в основном в те, что справа, где мало света; иногда заходишь на светлую сторону: зашёл, покрутился, посмотрел – мне не видно, что ты там в этих магазинах делаешь – и вышел, идёшь в следующий. А я иду сзади не спеша, только по светлой стороне, и не захожу ни в один из магазинов, только останавливаюсь у витрин и внимательно рассматриваю: мне хорошо видна каждая пара обуви на полках, и мне ничего не нравится: то фасон некрасивый, то колодка не моя – издали вижу, что носить не смогу, и я иду к следующей витрине. Таким вот образом мы заходим всё дальше и дальше, и магазины уже вот-вот закончатся, а потом – только тёмная аллея с редкими фонарями, а мы так ничего себе и не подобрали. Аль-лэ! – Алевтина перебила сама себя, вдохнув глубоко и прерывисто. – Ты меня слушаешь?

– Конечно! Заслушался просто. Так подобрали мы себе пары всё-таки?

– Ага. Слушай. Тут я вижу буквально в предпоследней витрине удивительные туфли и сразу понимаю: моё. Захожу, беру, рассматриваю и поражаюсь: такой обуви наши дизайнеры ещё не придумали. В этих туфлях как будто складной каблук: сначала высокий, на выход, а потом как-то подворачивается внутрь, заполняет пространство под подъёмом, и получается низкий устойчивый каблучок – хоть по горам лазить.

– А цвет какой?

– Совершенно загадочный! Сначала вроде бордовый, очень тёмный такой, как исчерна-бордовый, потом они становятся лиловыми, очень красивого оттенка, даже определить трудно.

– Интересно.

– Да, но самое поразительное не это. Когда я их рассмотрела и поняла: да, это то, что мне нужно, я собралась их померить. Опускаю глаза, а у меня на ногах эти же туфли, точь-в-точь они! Получается, я с самого начала в них ходила, но даже не заметила этого. Представляешь? Как тебе сон?

– Да. Действительно символично.

– Вот и я о том же. Столько искала, выбирала, а не надо было, всё и так уже мне принадлежало. Я сейчас только этот сон вспомнила, и я в шоке!

– Постой, а я там куда делся?

– Ты? Не помню. Кажется, никуда. А! Просто пошёл вниз по аллее, к фонарям куда-то. Ой, что-то мы сегодня долго разговариваем, спать пора, завтра на работу.

– Иди ложись, я сейчас в душик и приду.

– Что?!!!

– Пока ничего, – хохотнул Денис. – Спокойной ночи.

Мурр... Мурр...

– Так, Кот-Баюн, спокойной ночи! До завтра.

Переигрывает. Напомнила на свою голову о Мурлыке, теперь чересчур старается. Наверное, на всех срабатывает, вот и со мной так же пытается, – думала Алевтина.

Но на следующий день уже скучала по вечернему мурлыканью.

– Поздно уже. Ты ещё не спишь?

– Не-а. Я сегодня на работе вздремнул прямо в перерыв.

– Где? На рабочем месте?

– Да. За столом.

– Но это же неудобно!

– Почему неудобно? Я в армии вообще стоя на посту спал.

– Как?! Стоя?!

– Да. Так что подремать в машине или на работе сидя в кресле – вообще не проблема Я в любом положении спать могу Я и сейчас уместился удобно так – ноги на холодильнике.

– Ноги на холодильнике, – пробормотала Аля. – Это как?

– Ну, на уголке в кухне лежу ногами к холодильнику.

– И тебе удобно?

– Конечно! Мне по-всякому удобно. И в обнимку с арбузом.

– С арбузом?!

– Ага. Да кум с женой год назад в гости приезжал, арбузов выгрузил из машины штук двадцать – по всему залу катались. Мы День Конституции хорошо так с кумом отметили, и я на полу в обнимку с арбузом уснул.

– Постой! Какие арбузы в июне?

– Почему в июне? В августе.

– Но День Конституции у вас в июне, когда у нас День России, а в августе – День независимости.

– Да какая разница! Главное, что выходной!..

– Я ещё помню, как мы отмечали. А после Дня независимости мы с Дашей сразу домой уезжали.

– Ой! Ох!

– Что там с тобой?

– Да я тут лёг так интересно. Через порог балкона и спину немного надавило.

– А зачем ты позвоночником на порог балкона лёг? – не поняла Алевтина.

– А так веселее!

– А-а. Ясно. На втором часу разговора ещё и не такое может посетить.

– Ага. Не. Надо перемещаться, а то завтра на работу не встану.

– Вот-вот. Да и продуть может.

– О-о-х! Во-от. Так-то лучше.

– Ну, и где теперь расположился? – спросила Алевтина.

– Угадай!

– Теряюсь в догадках. На холодильнике.

– Нет.

– На люстре или на шкафу.

– Нет. В прихожей на коврике.

– А-а. Ну, да. В квартире все места должны быть жилыми и обжитыми. А! Ты ж у нас кот, а кот – он и на холодильнике лежать может, и на перилах балкона.

– Перила? Как это я не додумался? Надо попробовать.

Нет, он всё-таки совершенно безбашенный!

– Кстати, я уже договорился. Будет Серёга с женой, сыном и крестником.

– Денис, ну, может, без друзей в день встречи обойдёмся?

– Та не-е... Это даже не друзья. Сергей мне как брат.

Нет. Надо вставать. Довольно воспоминаниями жонглировать. Раньше нужно было зёрна от плевел отсеивать. Море заждалось, может, чем новеньким сегодня порадует.

Алевтина в тоску оделась, депрессией подвязалась, и пошла на пляж.

Младшая пенсионерка (по виду старая дева или школьная учительница) вывозила трёх подростков на море. Они ехали вместе с Алевтиной в маршрутке и получали дозы дидакти-

ческого излучения. Девочка на замечания не нарывалась, зато мальчикам доставалось всю дорогу:

– Ну, чего ты здесь стал, людям проходить мешаешь!

Сама мешает не меньше, но ей, естественно, можно.

– Ты почему футболку снял раньше времени? Нельзя в общественном месте в одних шортах. Вон в паспортный стол пришёл парень в одних шортах, так с ним даже разговаривать никто не стал.

– Как вы дорогу переходите? Почему на машины не смотрите? ОБЖД в школе изучаете, а по сторонам не смотрите.

Вся четвёрка шла перед Алей на лиманы, к чистому, облюбванному неленивыми отдыхающими морю. Дама менторским тоном перегнула детей на свою – неправильную! – сторону, чтобы машины в спину ехали, а не в лицо. Нет, точно плохой учитель. Только они умеют с безапелляционным видом обучать неправильному. Или мелкая чиновница из паспортного стола. Они тоже любят всеми помыкать, делая каждый второй паспорт с ошибками. Нет, всё-таки работа накладывает неизгладимый отпечаток на личность. Денис вон прирождённый юрист – любому голову заморочит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.